

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ШКОЛА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований

POLYSTORIA

ЦАРИ, СВЯТЫЕ, МИФОТВОРЦЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

*Ответственные редакторы
М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников*

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2016

УДК 94(4+5)''04/14''
ББК 63.3(4/8)4
P80

Данная научная работа является одним из результатов осуществления проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Авторский коллектив:

*М.А. Бойцов, А.Ю. Виноградов, О.С. Воскобойников, М.В. Дмитриев,
А.Ф. Литвина, А.В. Назаренко, Ф.Б. Успенский, С.А. Яцык*

Техническая работа: *М.А. Мерзлякова*

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук *О.И. Тогоева*;
доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета
МГУ, кандидат исторических наук *С.Ю. Агишев*

Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе [Текст] / М. А. Бойцов, А. Ю. Виноградов, О. С. Воскобойников и др. ; отв. ред. М. А. Бойцов, О. С. Воскобойников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 310, [2] с. — Список сокр.: с. 301–302. — 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1320-0 (в пер.).

Коллективный научный труд «Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе» появился в результате исследований, проводившихся Лабораторией медиевистических исследований НИУ ВШЭ по проблемам истории средневековой Европы — как латинской ее части, так и православной, а также различных форм взаимодействия между ними. В книге рассматривается широкий круг вопросов, ранее либо вовсе не ставившихся, либо же недостаточно изученных — от особенностей исторической антропоники в Киевской Руси и Скандинавии до попыток создания «правильной» картины прошлого у западных славян и в Московском царстве. Наряду с этим намечаются основные вехи истории Абхазского царства, прослеживаются сложные странствия знаменитого «молитвенника Гертруды», открываются неизвестные стороны схоластики XII–XIII вв. и выявляются неожиданные особенности православной религиозности на рубеже Средневековья и раннего Нового времени.

Для историков, филологов, религиоведов и политологов.

УДК 94(4+5)''04/14''
ББК 63.3(4/8)4

ISBN 978-5-7598-1320-0

- © Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, Школа исторических наук, Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований, 2016
- © Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2016

Содержание

Михаил Бойцов. Вводные замечания 5

I. КНЯЗЬЯ, ИМЕНА И КОДЕКСЫ

Андрей Виноградов
Абхазское царство — опыт политогенеза
между христианством и исламом
(конец VIII — начало X в.) 11

Анна Литвина, Фёдор Успенский
Правитель и его тезки
на Севере и Востоке Европы
в IX — начале XIII в. 60

Александр Назаренко
«Кодекс Гертруды» после Гертруды.
Судьба книги на династических
перекрестках XII в. 85

II. ФИЛОСОФЫ И СВЯТЫЕ НА ЗАПАДЕ

Олег Воскобойников
Право на миф. Введение
в поэтику Шартрской школы 139

Светлана Яцык
Мудрость святых у языческих философов:
к эволюции этических взглядов
Иоанна Уэльского..... 183

III. ЧУЖИЕ И СВОИ НА ВОСТОКЕ

Михаил Дмитриев
От антииудаизма к иудаизантизму
в православной культуре Востока Европы
в конце XV — XVI вв. 207

<i>Михаил Бойцов</i> Как Александр Македонский по пути из Чехии поддержал московитов	265
Список сокращений	301
Авторский коллектив.....	303
Abstracts	304
Contents.....	309

Михаил Бойцов

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Лаборатория медиевистических исследований, действующая в НИУ ВШЭ с 2012 г., представляет историкам и просто любителям Средневековья свою вторую книгу. Первая вышла в 2015 г. под названием «Средневековая Европа: Восток и Запад» и быстро приобрела известность у знатоков Средних веков и не только у них¹. В предисловии к ней мы обещали, что продолжим публиковать материалы наших исследований, если обстоятельства будут тому благоприятствовать, и с удовольствием выполняем обещание.

Наша новая книга тесно связана по исходным установкам и содержанию с первой — ведь обе они появились в рамках исследовательского проекта с длинным названием «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия». Однако ни первая не предваряет второй, ни вторая не является прямым продолжением первой. Разумеется, их объединяют одна большая общая тема и ядро постоянных авторов, но в остальном они вполне самостоятельны.

Непросто было подобрать название для нашей книги. С одной стороны, оно должно отражать профиль и интересы лаборатории, а с другой — быть достаточно емким, чтобы вмещать все разнообразие тем и сюжетов, которых мы в той или иной мере касаемся, работая пусть над одной и той же большой проблемой, но каждый по-своему. После утомительных, но бесплодных споров мы в конце концов решили «принять помощь» от человека ученого и вне всякого сомнения незаурядного — римлянина Джованни Каваллини де Черрони. Старший современник Петрарки, Боккаччо и Кола ди Риенцо, он жил в первой

¹ Средневековая Европа: Восток и Запад / отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2015.

половине XIV в. По долгу своей службы в авиньонской курии Каваллини должен был ежедневно аккуратно выводить на пергамене и бумаге строки папских посланий, но истинное призвание его заключалось в ином. Такого любителя и знатока истории Древнего Рима непросто обнаружить не только среди людей его поколения, но и в начале Кватроченто, когда Ренессанс уже поднимался к своему зениту. В 1346 г. Каваллини завершил труд в 10 книгах «о добродетелях и талантах римлян» — памятник его прилежанию и учености, в котором только восстановлению античной топографии города Рима посвящены десятки страниц, не говоря уже о множестве иных обсуждаемых всерьез или хотя бы затрагиваемых вскользь тем. При одном взгляде на это сочинение захочется отнести его к «раннему Возрождению». Однако при другом оно же предстанет вполне «средневековым» — хотя бы потому, что продолжило традицию путеводителей для паломников и завершилось неожиданным для академического компендиума, посвященного древним римлянам, выводом, что власть пап безусловно выше власти императоров. Во всех отношениях верный итог долгих исторических разысканий позволил автору посвятить труд всей жизни не кому-нибудь, а своему начальнику — и вместе с тем наместнику Христову — папе Клименту VI. Понравилось ли понтифику ученое произведение одного из его многочисленных скрипторов или нет, мы не знаем. Во всяком случае, оно его не настолько очаровало, чтобы заставить перенести курию обратно в Рим, на что автор, быть может, в глубине души рассчитывал. Однако популярностью книга Каваллини на протяжении следующих восьми или девяти десятков лет пользовалась немалой. Только появление в 1432–1448 гг. новых исторических разысканий по истории и топографии Рима из-под пера таких классиков Возрождения, как Леон Баттиста Альберти, Флавио Бьондо и Поджо Браччолини, погрузило имя Каваллини в забвение.

Учиться сегодня у Каваллини умению делать единственно правильные выводы из невнятных уроков истории нет необходимости: мастеров этого искусства среди наших современников несть числа. Для нас опыт авиньонского книжника и римского

патриота ценен иным: Каваллини нашел точное слово для обозначения своего труда (с одной стороны, целостного, а с другой — внутренне разнородного), объединившего разные темы и непохожие стили повествования о прошлом. Слово это стоит первым в заглавии его книги — *Polistoria*². Придумал его Каваллини, похоже, сам, отталкиваясь, конечно же, от изначально греческого, но легко перешедшего в латынь слова *polyhistor*. Полигисторами называли (а порой называют и сегодня) ученых, обладающих особенно широкими и разнообразными познаниями — таких, например, как Александр Полигистор, живший в I в. до н.э. Вряд ли Каваллини знал об Александре, но уж с трактатом позднеримского писателя Гая Юлия Солина «*Polyhistor*» (другие названия — «О чудесах мира» или «О достойном памяти») он был знаком — как едва ли не каждый средневековый интеллектуал. Возможно, читал Каваллини и «Поликратика» Иоанна Солсберийского, но на его труде это никак не сказалось и вряд ли могло повлиять на выбор названия. Во введении автор не разъясняет, какой смысл он вкладывает в придуманное им слово *Polistoria*, но из контекста понятно, что для него важна множественность именно «историй», а не знаний вообще, так что *Polistoria* появилась не как простое производное от *Polyhistor*, а как продуманное и концептуально насыщенное авторское изобретение.

Между тем что может быть ближе сегодняшнему восприятию прошлого, чем сама идея принципиальной множественности как существующих, так и лишь потенциально возможных исторических нарративов? Речь идет, разумеется, о множественности не баек и анекдотов, а взглядов на прошлое, методов его изучения, его интерпретаций и способов представления знатокам и публике выстраданных историком интерпретаций прошлого.

Идея «полистории» (которую в данном случае можно понимать двояко: как разнообразие рассказов о событиях и явлениях

² См. стандартное (и к тому же сравнительно недавнее) издание труда Дж. Каваллини: *Ioannes Caballinus. Polistoria de virtutibus et dotibus Romanorum* / rec. M. Laureys. Stuttgart; Leipzig, 1995.

прошлого, но и как разнообразие самих этих событий и явлений) очень подходит к нашему замыслу. История средневековой Европы не может быть ничем иным, как *polistoria*, — и в силу необозримой множественности возникающих, порой обрывающихся, порой выявляющихся опять, но вновь теряющихся сюжетов, и благодаря бесчисленным возможностям поведать о них тем или иным образом. Поэтому мы и решили поместить слово, изобретенное в XIV столетии каноником римской церкви Санта Мария Ротонда (более известной под своим исконным — еще языческим — именем Пантеон), на титульный лист нашей книги. Единственное, чтобы знатоки древних языков не отвернулись от нее высокомерно, даже не открыв, мы заменили авторское написание «*Polistoria*» на другое — принятое со времен возрождения классической образованности, до которого Каваллини немного не дожил. Вот так собрание наших исторических разысканий и получило в итоге свое окончательное название — *Polystoria*.

І. КНЯЗЬЯ, ИМЕНА И КОДЕКСЫ

Андрей Виноградов

АБХАЗСКОЕ ЦАРСТВО —
ОПЫТ ПОЛИТОГЕНЕЗА
МЕЖДУ ХРИСТИАНСТВОМ
И ИСЛАМОМ
(КОНЕЦ VIII — НАЧАЛО X в.)¹

Казус Абхазского царства весьма интересен как опыт средневекового политогенеза в контактной зоне между христианством и исламом. Сам переход территории будущего царства под власть абхазских мтаваров (князей), чья династия будет править здесь более двух веков, стал результатом арабских походов 740-х годов, которые заставили Византию искать новых вассальных правителей для этой территории. Создание же Абхазского царства стало возможно благодаря умелому использованию изменившегося баланса отношений между Византией, Арабским халифатом и другими политическими силами (прежде всего хазарами). В то же время на протяжении всей своей истории Абхазское царство оставалось оплотом христианства и, вероятно, занималось миссией на присоединенных северных территориях, что, однако, не избавляло его от вражды с кавказскими христианскими соседями, а напротив, даже приводило к «религиозным» войнам. В свою очередь, длительное существование этого государства оказало большое воздействие как на баланс сил на Кавказе, так и на дальнейшие судьбы наследников Абхазского царства.

¹ Некоторые фрагменты данного раздела были опубликованы в ст.: *Виноградов А.Ю.* Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII — первая половина X в.) // *Древности Зап. Кавказа*. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 156–176.

Успешная политика Юстиниана I на Западном Кавказе значительно укрепила позиции Византии в этом регионе²: Лазское

² Обзорный характер нашей работы не позволяет нам входить во многие детали научной и квазинаучной дискуссий по вопросам абхазской и грузинской истории VIII–X вв., тем более что многие позиции в этой дискуссии порождены плохим знакомством с источниками или тенденциозной их трактовкой. В европейской науке обобщающая работа по Абхазскому царству отсутствует (краткие обзоры см. в ст.: *Martin-Hisard B. Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies*, II, 48 // *Travaux et memoires*. 2000. Vol. 13. P. 459–466; *Fähnrich H. Geschichte Georgiens*. Leiden; Boston, 2010. S. 153–157. (Handb. of Oriental Studies. Sect. 8: Central Asia; vol. 21)). На русском языке наиболее актуальной (и переписываемой позднейшими авторами без расширения источниковой базы, см.: *Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.)*. Сухум, 2011; там же см. библиогр.) остается монография: *Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)*. Сухуми, 1959 (ниже цит. по переизд.: *Он же. Избр. тр.*: в 2 т. Т. 1: *История и культура Древней Абхазии. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)*. Сухум, 2010. С. 231–549), которая, в свою очередь, во многом резюмирует работы И. Джавахишвили, С. Джанашиа, П. Ингороквы и С. Каухчишвили, не написавших обобщающих работ по истории Абхазского царства. Однако метод Анчабадзе (и его последователей) обладает двумя существенными недостатками, приводящими порой к катастрофическим ошибкам: это 1) использование древних источников только в переводах; 2) абсолютно некритическое отношение к средневековой грузинской историографии, даже в самых недостоверных ее пассажах (например, в истории VII–VIII вв., где в ЛК пропущен целый век), и соответственно исправление по ней более достоверных источников (например ДАЦ). Те же свойства, а также излишняя грузинизация топонимов (вплоть до создания никогда не существовавших: Эгрис-Апхазети, Ркинисцихе и др.) характеризуют и другую обобщающую работу — *Очерки истории Грузии: в 8 т. Т. 2: Грузия в IV–X веках [Электронный ресурс]* / под ред. М. Лордкипанидзе, Д. Мухелишвили. Тбилиси, 1988. URL: http://nplg.nukri.org/work/Ocherki_istorii_gruzii/Ocherki_istorii_gruzii_II/0.htm (дата обращения: 08.07.2015) (в дальнейшем для удобства читателя ссылки на эту работу даются по номерам глав и параграфов). Ничего принципиально нового (кроме активного, но не всегда адекватного обращения к эпиграфике и усилению националистической тенденции) не вносит и последняя обобщающая работа Л. Ахаладзе «Абхазия в составе Абхазского царства во второй половине VIII — X веков» в кн.: *Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней*. Тбилиси, 2009. С. 130–153 (англ. вариант: *Essays from the History of Georgia. Abkhazia from Ancient Times till the Present Days*. Tbilisi, 2011. P. 110–130; там же см. ссылки на новейшую грузинскую и абхазскую литературу-

царство было упразднено, и во главе Лазики стояли византийские патрикии местного происхождения³; Абхазия, Апсилия и Мисимиания были христианизированы и вовлечены в орбиту влияния империи. Мир и спокойствие на востоке Понта Эвксинского стали столь прочны, что упоминание о событиях в этих краях почти полностью исчезают из источников.

Конец такой ситуации положила арабская катастрофа второй трети VII в., которая, хотя и затронула Западный Кавказ слабее, чем Восточный, все же сделала позиции истощенной войнами империи в Восточном Причерноморье более шаткими: после отпадения Лазики и Абхазии в конце VII в. ей с большим трудом удается к 730-м годам вернуть Восточное Причерноморье под свой контроль, однако в реальности она продолжала отдавать эти территории в управление местным династам (картлийским, армянским и, наконец, абхазским)⁴. Источники не дают нам последовательного описания политических событий в этом регионе — вся его история разбивается на отдельные эпизоды, которые мы попытаемся рассмотреть в контексте восточнопричерноморской политики Византии и Арабского халифата конца VIII — начала X вв. и политогенеза новой силы — Абхазского царства — до начала ее доминирования в Закавказье со второй четверти X в.

ру). Поэтому в дальнейшем мы будем указывать на случаи своего несогласия с данными работами, без подробной дискуссии, а также отмечать отсутствие в них тех или иных рассматриваемых нами сюжетов. Наконец, для удобства читателей отметим наши новшества по сравнению с другими обобщающими работами по истории Абхазского царства: это полностью новые эпизоды (разд. II.A, III.A, III.B.3), существенные дополнения к известным эпизодам (разд. I.B.2, II.B.2, III.A.2, III.B.2–3); новые решения проблем (разд. III.B.2–3).

³ О них см. ниже. По всей видимости, Лазика занимала промежуточное положение между провинцией и вассальным царством, так как в актах Трулльского собора 691–692 гг. она называется не ἐπαρχία, а χώρα (*Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste: Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692.* Turnhout, 2006. S. 304. (Arbeiten zur Kirchengeschichte; 56)).

⁴ См.: Виноградов А.Ю. Византийская политика... Там же см. и о проблеме хронологии абхазских царей.

I. Образование Абхазского царства (конец VIII — первая половина IX в.)

А. Провозглашение Абхазского царства (786–787 гг.)

1. Проблема даты

Отпадение Абхазии от империи описывает напрямую только грузинский источник, причем всего один — ЛК 140.11–15: «Когда же ослабли греки, отложился от них эристав абхазский по имени Леон, племянник эристава Леона, которому дана была в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он [Леон] от греков, занял Абхазию и Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов, ибо мертв был Иован и состарился Джуаншер. [Вскоре] после этого умер и Джуаншер».

Большое сомнение вызывает картлийская «рамка» рассказа. Дело в том, что имена эрисмтаваров Картли середины — последней трети VIII в. (до Ашота Багратида) в источниках не совпадают: в ЛК это Михр, Арчил и его сыновья Иован и Джуаншер⁵, тогда как ОК, МАТ, приписка к Sin. N 50 и ИПБ дают другие имена. При этом происхождение имен в ЛК прозрачно: из «Мученичества Арчила» взяты Арчил (там он назван не эрисмтаваром, а лишь сыном Стефаноса III) и Джуаншер; а Михр из ЛК — это, судя по всему, видоизмененный Вараз-Михр, еще один представитель семьи Стефаноса III⁶.

⁵ Ш. Гугушвили обратил наше внимание на то, что Иован и Джуаншер названы эрисмтаварами не в тексте, а только в заголовке ЛК 139.3–4, который может быть позднего происхождения.

⁶ В атенской надписи времен императора Вардана Филиппика (*Абрамишвили Г.В.* Фресковая надпись Стефаноза мампала в Атенском Сионе. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.)) после «сына Нерсе», т.е. Стефаноса III, упоминается некий Вараз-М... — скорее всего, Вараз-Михр (так звали брата Вахтанга Горгасала, согласно ЖВГ 89.10), который, судя по его месту в надписи, вполне мог быть сыном Стефаноса.

Сомнительно и существование упоминаемого ЖВГ и ЛК абхазского мтавара Леона I, дяди Леона II — первого абхазского царя. Дело в том, что ДАЦ называет дядей царя Леона Феодора, брата его отца Константина. Версия ДАЦ выглядит убедительнее не только в силу несовпадения имен дяди и племянника (*lectio difficilior*), но и потому, что упомянутый посередине Константин заполняет полувековую лауну между этими самыми дядей и племянником, занимающую всю середину VIII в. (с 736/7 по 786–787 гг.). Этому Константину II (или его деду Константину I) и принадлежит, скорее всего, моливдовул из Питиунта с надписью «Κωνσταντῖνος Ἀβασούας»⁷.

Таким образом, Леон I представляется скорее выдумкой автора ЛК (равно как и его женитьба на дочери Михра, что не исключает возможности династических браков между абхазскими мтаварами и картлийскими эрисмтаварами), созданной по образу первого абхазского царя Леона и попавшей затем в ЖВГ⁸. На самом же деле абхазским мтаваром в 736/737 гг. был Феодор или, судя по хронологии, скорее даже его отец Констанций, который, согласно ДАЦ, был внуком Димитрия, действовавшего в последней трети VII в. Греческая легенда на печати Константина вполне соответствует его положению вассала Византии: если же это моливдовул его деда Константина I, то он свидетельствует о возвращении Абхазии под влияние империи уже при внуке Димитрия, т.е. в 700–710-х годах.

Впрочем, хронологию отпадения Абхазии помогает прояснить косвенное его свидетельство — акты VII Вселенского Собора 787 г. Подписи митрополита Лазики Христофора здесь

⁷ Леквинадзе В. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщ. АН ГССР. 1955. Т. XVI. № 5. С. 403 след.

⁸ В его существовании, в отличие от большинства кавказских исследователей (см.: Анчабадзе З.В. Избр. тр. С. 311–312, 320), сомневается Дж. Аласания (*Alasania G. On the Personality of the Creator of the Abkhaz Kingdom // Bull. of the Georgian Nat. Acad. of Sciences. 2007. Vol. 175. No. 3. P. 153–161*), однако она считает фигуру Леона (а не только имя) «клоном» императора Льва III, что выглядит малоубедительно.

отличаются: на первом — третьем заседаниях и в списке участников седьмого (списки АВСЕ, по классификации Э. Ламберца) — «Фасиса», на четвертом (D) — «Фасиса, т.е. Трапезунта», на седьмом (F) — «Трапезунта»⁹. Эти подписи говорят в пользу существования Фасисской митрополии до самого 787 г., но в ходе собора титул митрополии Лазики был передан в Трапезунт (характерна подпись в D, имеющая характер экспликации), по всей видимости, после ликвидации церковной епархии в Фасисе. Очевидно, что упразднение целой митрополии с пятью суффраганами (а также Никопсийской архиепископии) вряд ли могло быть добровольным и уж точно не было вызвано уничтожением этих кафедр — оно могло стать лишь результатом отпадения этих территорий от Византии. Упразднение Фасисской митрополии не было добровольным — на это указывает и то обстоятельство, что Константинопольский патриархат оставил за собой титул «митрополита Лазики» (перенеся его кафедру в Трапезунт), сохранив таким образом канонические права на ее территорию.

Поразительным образом такая же датировка (787 г.¹⁰) — у царевича Вахушти: он датирует смерть Иоване 786 годом, а Джуаншера — 787 годом¹¹. Если его датировка основана на каких-то не дошедших до нас сведениях, а не является научной догадкой¹², то провозглашение независимости Абхазии произошло в 786–787 гг., т.е. как раз одновременно с VII Вселенским Собором. С исторической точки зрения, датировка Вахушти

⁹ Lamberz E. Die Bischofslisten des VII. Ökumenischen Konzils (Nicaenum II). München, 2004. S. 45. (Bayerische Akad. der Wiss.; Phil.-Hist. Kl.; Abh.; 124).

¹⁰ Ср.: Essays... P. 111. N. 10.

¹¹ Обзор старых датировок этого события см. в кн.: *Анчабадзе З.В.* Избр. тр. С. 337–338.

¹² Здесь следует отдельно отметить, что мы специально не используем сведения Вахушти по истории и географии Абхазского царства (разделение на эриставства, перенос столицы из Анакопии в Кутаиси, переход гурийцев к Леону; см.: *Анчабадзе З.В.* Избр. тр. С. 338–342; *Очерки истории...* VI, 3), так как либо источник их происхождения неясен, либо они являются конструктором самого царевича.

выглядит правдоподобно: то ослабление византийской власти, о котором говорит ЛК, — это кризис в конце первого иконоборчества, конфликт между императрицей Ириной и иконоборчески настроенной армией, сорвавшей первую попытку иконопочитательского собора в 786 г.

2. Роль хазар

Теперь на восточнопричерноморской политической сцене непосредственно появляется мелькавшая до этого на горизонте новая политическая сила — хазары. Согласно ЛК 110.12–13, мать абхазского эристава Леона была дочерью хазарского царя, «с помощью его» абхазам и удалось отложиться от империи. Этот рассказ из ЛК вызывает два вопроса. Во-первых, с чьей помощью отложился Леон: своего деда, как это буквально сказано, или какого-то другого хазарского кагана? В первом случае следует предположить, что дед Леона правил очень долго. Во-вторых, для чего абхазам была нужна военная помощь хазар? Либо им пришлось вести войну с воспротивившимися такому отпадению византийцами, например, с войском фемы Халдия, что менее вероятно, учитывая сложности Ирины в Константинополе, особенно в отношениях с армией, либо византийцы не передали Эгриси абхазскому эриставу целиком, а сохранили за собой какие-то опорные пункты, например Фасис.

Отметим также, что абхазскому эриставу Леону, внуку хазарского кагана, удалось получить помощь хазар против правнука их кагана — Константина VI. Этот факт легко объясняется тем, что византийско-хазарский союз, приведший к браку Константина V и хазарской принцессы, распался уже где-то вскоре после 760 г.¹³ Стоит также вспомнить, что данный конфликт между хазарами и империей происходил параллельно другому столкновению их интересов — восстанию епископа Готского Иоанна в Крыму против хазарских войск, произошедшему где-то

¹³ См.: Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евраз. степей второй половины I тыс. н.э. (вопр. межэтн. контактов и межкультур. взаимодействия). Самара, 2010. С. 189.

в 785–790 гг.¹⁴ Более того, вполне возможно, что участие хазар в отпадении абхазов было местию Византии за поддержку этого восстания.

В отличие от политически схожей ситуации 696–697 гг., когда от Леонтия, свергнувшего законного императора Юстиниана II, отпала Лазика (Theophanes 366), в данном случае формального повода для отпадения от империи не было: Ирина правила как регент законного наследника Константина VI — в этом отличие и от ситуации 800 г., когда Карл Великий, не признававший за единолично правившей Ириной права на престол, короновал себя как император. Вполне возможно, что отпадение от империи представлялось Леоном как возвращение законных прав его династии на престол Лазики¹⁵ — в связи с этим становится понятно, что он «назвался царем».

Абхазский эристав получил от империи в управление Эгриси не больше чем за 10 лет до своего отпадения — около 777 г.¹⁶ Это обстоятельство могло повлиять на его решение отпасть от Византии, а значит, и отторгнуть от нее территорию Эгриси. Зная о частых сменах византийских наместников Лазики-Эгриси (а их за VIII в. было по меньшей мере четыре: в 705, 711, 774 и 787 гг.), абхазский эристав не мог быть уверен, что его власть над этой территорией будет долгой.

Роль занятой в 786–787 гг. внутренними конфликтами империи в абхазских событиях была, скорее всего, пассивной. Вряд ли Ирина, втянутая к тому же в конфликт с армией, смогла бы отправить большое войско в Эгриси, да и в этом случае ему было трудно сопротивляться могущественным хазарам. Если

¹⁴ См.: *Виноградов А.Ю.* Иоанн, прп., еп. Готский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 243–246.

¹⁵ Прапрадед Леона Барнук был, по всей видимости, патриkiem Лазики (см.: *Леквинадзе В.А.* Вислая печать с именем Сергия из Грузии // СА. 1980. № 4. С. 275–281).

¹⁶ Между 774 и 778 гг. Лазикой управлял Артавазд Мамиконян (Theophanes 451; История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века / пер. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 116).

кто-то из византийцев и оказывал сопротивление абхазско-хазарскому войску, то это мог быть либо византийский гарнизон в Фасисе (если таковой к данному моменту еще существовал), либо военные части из фемы Халдия, но им тем более было бы сложно противостоять хазарам. Единственная реакция империи на отпадения Абхазии и Эгриси, которая нам известна, — это сохранение за собой формальных прав на территорию Лазики и Абхазии: титул митрополита Лазики переносится на трапезунтского иерарха, а для Абхазии сохраняется (вероятно, как титульная) Севастопольская архиепископия¹⁷. Однако отпадение Абхазии должно было получить отражение в церковном аспекте и по ту сторону границы: учитывая, что новосозданное Абхазское царство было государством христианским, следует предположить, что на месте византийской церковной иерархии здесь возникла местная Церковь — будущий Абхазский католикосат¹⁸.

Б. Становление Абхазского царства (конец VIII — начало IX в.)

1. Вхождение Абхазского царства в кавказскую политику

После событий 786–787 гг. основной вектор абхазской политики был направлен на восток и на юг, в сторону Картли и Тао-Кларджети. ЛК 140.14 указывает на правление Леона в «Эгриси до Лихи», т.е. до Лихского хребта. Но неясно, расширил ли Леон уже в начале своего правления территорию царства на восток за счет Аргвети и Сванетии¹⁹: из ЖГХ 21 мы знаем, что в середине IX в. абхазские цари имели выход к Лихскому хребту

¹⁷ См.: Виноградов А.Ю., Гугушвили Ш. Очерк истории Абхазского католикосата. Ч. 1: VIII–X вв. // Богослов. тр. 2015. № 46. С. 77–116.

¹⁸ О ней см.: Там же.

¹⁹ Так считают, основываясь на Вахушти, в кн.: Анчабадзе З.В. Избр. тр. С. 342–343; Очерки истории... III, 4.

в районе Убэ (совр. Убиси), т.е. южнее Аргвети, — им вполне могло хватать контроля над стратегическим Сурамским перевалом.

Правители же Тао-Кларджети становятся новыми союзниками империи на Западном Кавказе: переместившийся из Картли в Тао-Кларджети Ашот Багратид получает высокий титул куропалата (ЛК 140.23–24). Для империи это была возможность закрепить свои притязания на данную территорию, а для вытесненного арабами из Картли Ашота²⁰ — опереться на чью-то помощь.

Однако вначале, в первой трети IX в., этот союз куропалатов с Византией не приводит к конфликту с Абхазским царством: в войне с кахетинским мтаваром Григолом, тбилисским эмиром, мтиулами и цанарами Ашот находит союзника в лице своего зятя — абхазского царя Феодосия II, сына Леона: «В это время выступил Ашот куропалат, помогал ему Феодосий, царь абхазов, сын Леона второго, который был зятем Ашота куропалата. Прибыл Григол из Кахети, помогали Григолу мтиулы и цанары и тбилисский эмир. Сразились Ашот и Григол на Ксани. Обратили Григола, мтавара Кахети, в бегство, и завладели той частью Картли, которая была захвачена им. И захватил Ашот [земли] от Кларджети до Ксани»²¹. ЛК помещает эту войну между поражением Масламы в Греции, ослаблением арабов на Кавказе, с одной

²⁰ Характерно, что об этом факте, известном из ИПБ 223.24–25, «Летопись Картли» — официальная хроника конца XI в. — не просто умалчивает, а сознательно создает обратную картину: «Сарацины же были обессилены, а Ашот возвеличен. В Тбилиси не осталось никого из сарацин, кроме сына Али Шуаба» (ЛК 140.24–25).

²¹ Впрочем, об этом факте сообщает несколько тенденциозная ЛК 140.26–30, а ИПБ, напротив, умалчивает — поэтому он мог иметь место и до ухода Ашота в Тао-Кларджети. Базирующаяся на истории убийства Ашота Куропалата версия (*Martin-Hisard B. La domination byzantine sur le littoral oriental du Pont Euxin (milieu du VIIe–VIIIe siècles) // Byzantino-Bulgarica. 1981. Bd. 7. S. 155*) о попытке тбилисского эмира Исака подчинить Абхазию основана, как обнаружил Ш. Гугушвили (личное сообщение), на ряде недоразумений: убийцами Ашота арабы (не конкретные) названы не в ЛК, а в ИПБ; они убежали

стороны, и приходом арабского наместника Халида ибн Йезида — с другой. Последний появился на Кавказе в 828–829 гг.²², а что касается ослабления арабов, то под ним подразумевается, вероятнее всего, поражение арабских наместников Армении от Бабека в 820–829 гг. Наконец, единственный, кого можно увидеть за анахроническим Масламой (настоящий Маслама потерпел поражение под стенами Константинополя в 718 г.), — это Фома Славянин²³, который действительно осаждал Константинополь в 822 г. и был разгромлен в 823 г.: смешение Фомы с Масламой могло произойти в ЛК из-за того, что Фоме помогал халиф аль-Мамун (в частности, подчиненный халифу патриарх Антиохийский Иов короновал Фому императором). Поэтому поход Ашота и Феодосия на Кахетию следует датировать, скорее всего, временем между 823 и 829 гг.

Брак Феодосия II и дочери Ашота Багратида примечателен с политической точки зрения. Сведения о пожаловании Ашоту титула куропалата помещены в ЛК незадолго до вышеупомянутого похода, так что, вполне вероятно, Феодосий женился на его дочери еще до того, как он стал куропалатом. А ведь положение и Феодосия, и Ашота было схожим по своей шаткости. Ашот был сыном Адарнасе, первого видного деятеля из семьи тао-кларджетских Багратидов, который, согласно ЛК 140.17–18, был локальным правителем в Тао-Кларджети, но, согласно ЖВГ 112.2, пришел туда из Армении. Сам же Ашот заполучил каким-то образом власть над Картли, но бежал оттуда под натиском арабов, осел во владениях своего отца, вступил в союз с Византией и получил титул куропалата. Таким образом, Ашот вынужден был всячески укреплять положение своей семьи на Кавказе, в том числе посредством династических браков, на-

не в Эгриси, а в Чорох, где и были убиты; наконец, Ашот был убит, вероятно, в 830 г., а Исак стал эмиром только в 833 г.

²² *Laurent J. L'Arménie entre Byzance et l'Islam, depuis la conquête arabe jusqu'en 886. P., 1919. P. 344.*

²³ О нем см.: *Lemerle P. Thomas le Slave // Travaux et mémoires. 1965. Vol. 1. P. 255–297.*

пример, с дочерьми Смбата VIII Анийского, которых он взял в жены двум своим сыновьям и старшему внуку²⁴.

Брачная связь с могущественными правителями Абхазии, контролировавшими все Восточное Причерноморье до Лихского хребта, была для Ашота также весьма важной. Однако и международное положение самих абхазских царей было не очень устойчивым: они вынуждены были воевать на два фронта — с империей и халифатом. Притязания их на царскую власть также вряд ли были кем-то признаны. Наконец, византийская дипломатия была способна в любой момент натравить на них могущественных северных соседей — алан (как это было в 708–709 гг.²⁵) или хазар (без помощи которых они не могли бы обрести независимость). Поэтому союзник в лице пусть сравнительно нового и не всегда успешного, но все же достаточно могущественного южного соседа был для них совсем не лишним, что вскоре и подтвердилось. Кроме того, видимо, на данной стадии у абхазских царей еще не было претензий на Картли, которую пытался вернуть себе Ашот и на которую после ослабления арабов претендовал также кахетинский мтавар Григол: они, напротив, вполне довольствовались пока своей «отеческой» державой — Абхазией и Эгриси, обретшей свои границы еще в середине VIII в.

2. Попытки византийской «реконквисты» в Восточном Причерноморье (ок. 840–842 гг.)

В 822–823 гг., согласно Иосифу Генесию (*Historia* II, 2 (33))²⁶, в мятеже Фомы Славянина наряду «с агарянами, индийцами,

²⁴ См.: *Toumanoff C.* Les dynasties de la Caucasic chrétienne de l'Antiquité jusqu'au XIXe siècle. Tables généalogiques et chronologiques. Rome, 1990. P. 129–130.

²⁵ О дате этого события см.: *Виноградов А.Ю.* Аланская миссия Льва Исавра. К уточнению даты // IV Междунар. визант. семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: тез. докл. и сообщ. Севастополь, 31 мая — 5 июня 2012 г. Севастополь, 2012. С. 13–14.

²⁶ См.: *Genesios, on the Reigns of the Emperors / transl. a. comment. by A. Kaldellis.* Canberra, 1998. P. 29–30. (*Byzantina Australiensia*; 11).

египтянами, ассирийцами, мидянами, зихами, иверами, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, гетами и теми, кто обратился в мерзостную ересь Манеса, с лазами и аланами, халдеями и армянами» участвовали и «абасии», т.е. абасги, помещенные здесь между мидянами и зихами. Хотя столь развернутый список народов, вероятнее всего, преувеличен Генесием, желавшим показать поддержку мятежника всеми народами Востока, но включившим туда и явно анахронические имена, все же участие каких-то абхазов в восстании Фомы подтверждается аутентичным документом — письмом Михаила II Людовику Благочестивому, где соратниками мятежника названы только арабы, персы, иверы, армяне и абасги²⁷. Последний список, состоящий из народов Востока, имевших свои государства, может говорить и в пользу помощи Фоме со стороны не просто неких абасгов, а именно Абхазского царства, враждебного империи.

Большой хронологический промежуток не позволяет рассматривать как месть за участие в восстании Фомы Славянина два неудачных византийских похода на Абхазию, о которых сообщает только Продолжатель Феофана. Целью их, несомненно, было вернуть Восточное Причерноморье в орбиту влияния империи.

Первый поход состоялся в правление императора Феофила: «А в Авасии Феофов и брат Феодоры Варда, посланные туда с войском, испытали великие беды, и мало кто оттуда вернулся»²⁸. Второй поход состоялся при Михаиле III и возглавлялся Феоктистом: «И когда случились два солнечных затмения, он, назначенный стратигом против авасгов, вкусил по несчастью гнева Божия: попавшие в кораблекрушение несчастным образом лишились жизни, а шедшие по суше разделили их злую судьбу. Таким образом погибло это войско»²⁹.

²⁷ См.: Lemerle P. Thomas le Slave... P. 256.

²⁸ Цит. по: Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / пер. Я.Н. Любарского. М., 1992. С. 62. (Лит. памятники).

²⁹ Цит. по: Там же. С. 87.

Оба этих похода в тексте точно не датированы, и потому их время стало предметом дискуссии. Долго преобладало мнение, что первый поход состоялся в 830 г., а второй — в 843 или 853 гг.³⁰ Однако наиболее разумным кажется предложение сблизить их по времени, датировав соответственно 840 и 842 гг.³¹ Тогда перед нами оказываются две последовательные попытки империи отвоевать Абхазию и Эгриси³²: обе были задуманы Феофилом, но вторая состоялась уже после его смерти.

О причинах византийских неудач в этих походах мы почти ничего не знаем — лишь про второй известно о кораблекрушении той части войска, которая была отправлена по морю. Было ли и в первом походе войско разделено на морское и сухопутное, неясно, но если не было, то такое разделение во втором походе можно будет считать ответом на первый неудачный опыт. Если речь идет о военном поражении, а не о стихийном бедствии, то можно предположить наличие союза абхазских царей с арабами, которые, согласно ИПБ 224.26–27, после смерти Ашота в 830 (?) г. отняли часть его владений, а остальную часть (Шавшети, Кларджети и Нигали) обложили данью. Такое вполне вероятно для сухопутной части второго похода, равно как и возможно для первого похода.

Близок этим походам по времени моливдовул Христофора, ипата и императорского нотариуса геникона, найденный в крепости Пётра (Цихисдзири) и датированный 840–870-ми го-

³⁰ Как, например, у цитированных выше переводчиков «Продолжателя Феофана...».

³¹ Huxley L. Theoktistos, Abasgia and Two Eclipses // *Byzantinoslavica*. 1989. Т. 50. Р. 9–10.

³² В литературе, начиная с С. Каухчишвили (Georgica. Т. IV. Ч. 2. Тбилиси, 1952. С. 327. Примеч. 4 (на груз. яз.)), часто встречается представление о первом походе как о помощи империи восставшему против арабов населению Абхазского царства, которое восходит к фантазиям Ш. Ле Бо, раскритикованным уже его издателем А.-Ж. де Сен-Мартеном (*Le Beau S. Histoire du Bas-empire: vol. 1–26. Vol. 13. P., 1832. P. 97–98*). См. также: *Dvornik F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933. P. 175. (Byzantinoslavica supplementa; 1)*.

дами³³. Его можно связать как с присутствием в Пётре византийского войска, т.е. с маршрутом сухопутного похода (если поход — скорее, поход 842 г. — прошел через Пётру, то его неудачное завершение должно было произойти на заболоченных равнинах Эгриси), так и с последующими переговорами империи с Абхазским царством.

Б. Мартен-Изар³⁴ вполне логично вписала два этих похода в общую стратегию императора Феофила на Понте Эвксинском, включавшую также создание фемы в Северном Причерноморье и нормализацию отношений с хазарами, в том числе строительство для них крепости Саркел около 833 г. Именно поэтому возобновление старого союза абхазов и хазар против империи выглядит для 840–842 гг. маловероятным. После двух неудачных походов трудности правления малолетнего Михаила III и его регентов отодвинули абхазскую проблему в византийской политике на второй план.

II. Территориальная экспансия (середина — вторая половина IX в.) и династический кризис конца IX в.

А. Экспансия в Картли (середина — вторая половина IX в.)

Пережив две византийских атаки в начале 840-х годов, уже в середине столетия абхазские цари вступают с куропалатами в борьбу за Картли. Их союз 820-х годов оказался недолговечным, что было во многом связано с изменением политической обстановки в самой Тао-Кларджети: после смерти Ашота около 830 г. его сыновья, оставшиеся безземельными (ИПБ 224.26–27), стали искать покровительства у могущественных соседей — анийских Багратидов и Византии. Более того, нельзя исключать,

³³ *Iashvili I., Seibt W. Byzantinische Siegel aus Petra in Westgeorgien // SBS. 2006. Vol. 9. P. 3.*

³⁴ *Martin-Hisard B. La domination... S. 141–154.*

что наследник Ашота Баграт поддержал византийские походы против Абхазии в 840–842 гг. Затем Баграт, конфликтовавший с тбилисским эмиром Сааком, вошел в сношения с халифатом, и в 844–845 гг. наместник Армении Мухаммед-ибн-Халид «дал ему Картли» (ЛК 141.4)³⁵, т.е. Баграт признал сюзеренитет халифа над Картли.

После смерти Ашота и Феодосия II две династии более не были связаны брачными узами. Впрочем, старший брат Баграта Адарнасе женился на Бюриле, дочери абхазского аристократа Баграта Шароели, правда, неизвестно, когда именно: до или после смерти своего отца Ашота, т.е. во время абхазско-багратидского союза или после. Кроме того, затем Адаранасе прогнал Бюрилу, отослав ее обратно в Абхазию (ЖГХ 56), что также мало способствовало дружеским связям между двумя государствами.

В то же время ЖГХ 22 рассказывает о повышенном интересе Деметре II к территории Кларджетии, так что нельзя исключать и того, что он имел относительно нее экспансионистские планы, возможно, в ответ на вышеупомянутую враждебность Багратидов. Вообще, ЖГХ представляет Деметре II как пытавшегося соперничать с куропалатством — правда, прежде всего в устройении монастырей, причем грузиноязычных.

1. Походы 853 и 858 гг.

Открыто конфликт между абхазскими царями и Багратидами впервые разгорелся в 853 г., причем в связи с походом арабского полководца Буги Турка: «А Феодосий, царь абхазов, выступил против него (Буги. — А. В.) и расположился в Кверцхоби. Когда об этом узнал Буга, выслал Зирака, своего спасалара, и Баграта, сына Ашота куропалата: сразились и обратили абхазов в бегство, и погибло их множество. А царь Феодосий отступил по Двалетской дороге» (ЛК 141.19–20). Напротив, шурин покойно-

³⁵ См. также: *Laurent V. Op. cit.* P. 345. В старом русском переводе ЛК (Летопись Картли / пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 49) — ошибка: «К нему примкнул Баграт, сын Ашота куропалата, и отдал ему Картли».

го абхазского царя Баграт продолжает держаться заключенного еще в 844–845 гг. союза с арабскими наместниками Армении, который теперь помогает ему окончательно ниспровергнуть власть тбилисского эмира. Баграт, однако, не был инициатором данного конфликта с абхазским царем, так как выступает в нем лишь как один из полководцев в посланном Бугой Турком войске, наряду с его заместителем Зираком. В отличие от случая с Мухаммедом-ибн-Халидом, ЛК не уточняет о Буге, оставил ли он власть над Картли куропалату Баграту, что, впрочем, вполне возможно, учитывая срочный отзыв Буги с Кавказа в 855 г. (см. также ниже, III.Б.2).

Судя по всему, инициатором конфликта был сам абхазский царь. С одной стороны, его расположение в Кверцхоби показывает, что он действительно мог опасаться повторения арабских походов VIII в. — через Лихский хребет на территорию его царства. С другой стороны, именно он вторгся в Картли, и, судя по ЛК, Буга Турок вынужден был противостоять ему. Вряд ли Феодосий выступил здесь как союзник убитого тбилисского эмира, с предшественником которого воевал за четверть века до этого, — скорее, он мог иметь в виду захват опустошенной Картли после гибели Саака и сожжения Тбилиси. Несмотря на поражение в данном конфликте, Абхазское царство в чем-то даже выиграло в этой ситуации: из-за уничтожения Тбилисского эмирата перестало выплачивать ему дань (харадж), которую, согласно Аль-Масуди, платило с 735 г. до времен аль-Мутаввакиля (847–861)³⁶.

Сложнее поставить в связь с событиями 853 г. абхазо-багратидскую военную экспедицию в Васпуракан. В 858 г. бежавший за некоторое время до этого в «страну абхазов» (причины бегства именно в Абхазию нам неизвестны) Григор, брат васпураканского правителя Ашота Арцруни, вернулся на родину с военной помощью абхазов и «избранных иверов», чтобы изгнать оттуда своего дальнего родственника — антицаря Гургена Арц-

³⁶ История Ширвана и Дербенда X–XI веков / пер. С.Г. Микаэлян. М., 1963. С. 210.

руни³⁷. Неясно, кто названы «избранными иверами»: воины куропалата Баграта или каких-то других Багратидов. Первое означало бы возобновление старого династического союза 820-х годов, возрожденного то ли под знаком подчинения арабам, то ли из-за нужды Баграта в союзниках, в том числе и против собственного брата Гуарама (см. ниже, III.Б.2). Второе же означало бы оформление союза абхазских царей и какого-то другого Багратида — скорее всего, мампала Гуарама, который в 853 г. также выступал против Буги Турка (см. ниже, III.Б.2). Действительно, впоследствии, в 880-е годы, мы видим устойчивый союз линии Гуарама с абхазскими царями (см. ниже, III.В.2). Важно также отметить, что в любом случае действия абхазов были направлены против византийцев, которых поддерживал Гурген Арцруни³⁸.

2. Экспансия 870-х годов

Мы не знаем, был ли поход Деметре II в Картли завоевательным или оборонительным. Но уже через десятилетие абхазским царям удалось закрепиться в Картли: «В это время выступил Георгий, царь абхазов, брат Феодосия и Димитрия, сын Леона, захватил Картли и оставил эриставом в Чихе сына Димитрия» (ЛК 142.11–12). ЛК не уточняет, в какой части правления Георгия I это произошло, но хронология его правления (см. примеч. 4 на с. 13) указывает, что поход Феодосия II пришелся на самый конец его царствования.

Из текста ЛК следует, что Георгий I отбил Картли уже не у куропалата Баграта, правившего здесь до, а может быть, и после 853 г. (см. ниже, III.Б.1), но у арабов: до этого ЛК 142.2–3 сообщает, что Картли захватил Мухаммед-ибн-Халид — как явствует из последовательности арабских наместников (Буга, Мухаммед-ибн-Халид, Иса-ибн-Шейх, Абраам, снова Мухаммед-ибн-Халид), в свое четвертое наместничество над Арменией, т.е. около 877–878 гг. Вполне вероятно, что Георгий занял Картли сразу

³⁷ *Artsruni T. History of the House of Artsrunik. Detroit, 1985. P. 256–264.*

³⁸ *Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX–XI вв. М., 1988. С. 97–98.*

после ухода Мухаммеда, так как его преемник Габулоц, согласно ЛК 142.5–6, подчинил себе лишь гардабанцев.

И все же захват Картли еще больше ослабил позиции куропалата Баграта. Дело в том, что к этому моменту начался внутривагратидский конфликт, важный для понимания дальнейшего хода абхазской истории. Еще в 853 г. Гуарам вместе со Смбагом VIII Анийским подговорил мтиулов не пропускать Бугу, союзника своего брата Баграта. Описание следующей стадии конфликта в ЛК 142.7 содержит, однако, одну или несколько ошибок, затрудняющих понимание его сути: «И враждовал Ашот с племянником отца своего, с братом Гуарама». Очевидно, что речь идет не об Ашоте куропалате, который к этому времени уже умер (ок. 830). Но какой Ашот имеется здесь в виду? У всех трех сыновей Ашота были сыновья, названные в честь деда: второй сын Адарнасе (ум. 867), третий сын Баграта (ум. 885) и второй сын Гуарама (ум. 869). Все они родились не ранее середины 830-х годов, так как, согласно ИПБ 224, их отцы около 830 г. были еще несовершеннолетними. Почти ничего не известно об их участии в политической жизни. Еще более загадочен «брат Гуарама»: братьями мампала Гуарама были отцы первого и второго из вышеупомянутых Ашотов, которые никак не могли быть дядьями «брата Гуарама». Поэтому наиболее логичной выглядит конъектура *дзеса* «сына» вместо *дзмаса* «брата», особенно если оно было написано под титлом (*дз-са*). Тогда «сын Гуарама» — это Наср или Ашот, а враждовавший с ним Ашот — сын Адарнасе или Баграта. Судя же по дальнейшим событиям, «сын Гуарама» — это именно Наср, который в 881 г. действительно враждовал со старшим сыном Баграта Давидом, тогда как старший сын Адарнасе Гурген был его союзником около 880 г. (см. ниже). Кроме того, схожим образом Наср обозначен и ниже в ЛК 142–143, и в ИПБ 225. Поэтому, вероятнее всего, в рассказе ЛК о событиях 860-х годов имеются в виду именно сын Гуарама Наср и сын Баграта Ашот Кекелай, после смерти которого в 867 г. Наср продолжал враждовать с его братом Давидом. Вражда эта была не только личным конфликтом, но и соперничеством между двумя линиями Вагратидов (при-

чем не между ее основателями — братьями, а между их детьми): средней, куропалатской, и младшей, владевшей большими территориями (старшая линия была оттеснена, видимо, потому, что ее основатель Адарнасе уже умер (дата смерти неизвестна), а его сыновья были еще молоды). Таким образом, потеряв в конце 870-х годов шансы на возврат Картли, куропалат Баграт потерпел одновременно поражение и во внутрисемейном соперничестве.

Действия Георгия I следует рассматривать именно как включение Картли в состав Абхазского царства: он не оставил здесь местного вассального правителя, а поставил эриставом в Чихе своего племянника (Тинине, согласно некоторым спискам ЛК 142.12)³⁹. Кстати, тот факт, что старший сын Димитрия II был совершеннолетним, опровергает предположение о занятии престола Георгием из-за малолетства Баграта, сына Димитрия⁴⁰. Характерно, что эристав размещается в Чихе, т.е. на территории Эгриси, близ Картли: очевидно, Георгий I чувствует себя за Лихским хребтом еще не слишком уверенно, и контроль из Чихи оказался достаточным для его новых владений там, включавших, как и позднее, вероятно, лишь Западную Картли.

Б. Династический кризис 880-х годов

1. Свержение правящей династии

После первого расцвета в правление Георгия I Абхазское царство постиг династический кризис: «Когда скончался Георгий, царь абхазов, остался сын Димитрия малолетним, звали его Багратом и известен он изгнанием. А жена царя убила сына Димитрия, зривава Чихи, обманула она Иоанна, мтавара Шавлиани, и бросили Баграта в море. Но Бог спас его, и достиг он

³⁹ См.: *Папаскири* 3. Кто был «эриставом Чиха»? О целесообразности внесения одной корректуры в текст «Матиане Картлиса» («Летопись Картли») // Груз. источниковедение. Т. 9. Тбилиси, 2006. С. 64–68 (на груз. яз.).

⁴⁰ Очерки истории... VI, 3.

города Константинополя» (ЛК 142.12–15). Очевидно, у Георгия I не было детей, и потому его наследниками считались сыновья его брата и предшественника Димитрия II: старший Тинине (по некоторым рукописям, см. выше), которого он сделал эриставом (наместником) Картли, как это будут делать со своими первенцами и наследниками абхазские цари X в., и младший Баграт, который к моменту смерти Георгия I был малолетним (однако не младше семи лет, так как его отец умер за семь лет до этого)⁴¹.

Характерно имя младшего сына Димитрия II — Баграт, не встречавшееся прежде у абхазских царей, но типичное именно для Багратидов. Это дает возможность предположить, что Баграт получил имя в честь могущественного деда по матери, а соответственно жена Георгия I могла быть дочерью царя Баграта I Таронского (826–852) или куропалата Баграта Таоского (ок. 862 — 876). Второй вариант кажется маловероятным не только после конфликта 853 г., но и до него: около 830 г. Баграт не был еще совершеннолетним, так что его дочь вряд ли достигла бы совершеннолетия ранее 850 г., а на самом деле — позднее, поскольку в 881 г. старший сын Давида, первенца Баграта, был еще малолетним. Первый же вариант означал бы династический союз абхазских царей с ишханом ишханов Армении, т.е. утверждение международного положения Абхазии, но одновременно и начало конфликта с соперником Таронита — Смбатом VIII Анийским, который поддержал сыновей куропалата Ашота посредством браков с тремя своими дочерьми, — это отчасти объяснило бы истоки армяно-абхазского конфликта, состоявшегося около 880 г. (см. ниже).

Судя по ЛК, инициатором заговора против законных наследников была жена Георгия. Вначале она «убивает», т.е., скорее

⁴¹ Без различения двух сыновей Димитрия II весь рассказ ЛК может показаться противоречивым, как это иногда происходит (см.: Картлис цховреба. История Грузии / гл. ред. Р. Метревели. Тбилиси, 2008. С. 169. Примеч. 69). М. Лордкипанидзе (Указ. соч. С. 299) толкует данный пассаж еще более странным образом, считая, что Георгий назначил наследником своего брата Димитрия (!), которого сделал эриставом Картли.

всего, отдает приказ убить старшего сына Димитрия II, который в момент смерти Георгия I был наместником Картли и мог не знать о сплетенной против него в Абхазии интриге. Затем она ცრუება/ცრუვება крупного феодала, мтавара Иоанна Шавлиани, что М.Д. Лордкипанидзе понимает как «обманула», а Г.В. Цулая — как «соблазнила». Последнее толкование выглядит более обоснованным, так как проясняет мотивацию вдовы Георгия I: понимая, что с восшествием на престол племянника потеряет власть, она предпочла сохранить царское достоинство, выбрав нового мужа из абхазской знати.

История с брошенным в море и чудесно добравшимся до Константинополя младшим сыном Димитрия II Баграта имеет несколько легендарный оттенок, однако факт бегства Баграта (которому было, напомним, не менее семи лет) в Царьград подтверждается дальнейшим повествованием ЛК. Интересно, что Баграт бежит в Византию, т.е. в державу, с которой абхазские цари еще совсем недавно, за четверть века до его бегства, враждовали.

2. Правление Шавлиани и борьба с армянами за Картли

Правление новой династии Шавлиани описано в ЛК 142.15–17 очень кратко: «А царь Иоанн привел сыну своему Адарнасе в жены дочь Гуарама, сына Ашота. И скончался Иоанн, царь абхазов, и царствовал вместо него сын его Адарнасе». Это краткое сообщение о брачном союзе имеет важное значение для понимания политической позиции Шавлиани. С одной стороны, династический брак с представительницей рода Багратидов означал международное признание новой династии Шавлиани. С другой стороны, Иоанн Шавлиани выбрал в жены своему сыну дочь мампала Гуарама, одного из могущественнейших Багратидов (возможно, уже давнего союзника Абхазии, см. выше, III.Б.1), и сестру Насра, который уже с начала 860-х годов враждовал с представителем средней, куропалатской линии Багратидов. Таким образом, свергший династию Деметре II Иоанн Шавлиани оказался продолжателем его политики противостояния

куропалату Баграту и, более того, по сути, вмешался во внутри-багратидский конфликт.

Этот брак Адарнасе Шавлиани напрямую связан с упоминающимся в ЛК 142.21–23 военным столкновением: «Наср, сын Гуарама, и Гурген были на стороне абхазов, а Давид и Липарит помогали армянам, и боролись армяне и абхазы за господство над Картли». Борьба эта отнесена ко времени перед убийством Насром Давида, т.е. перед 881 г. Неясно лишь, вел ли ее Иоанн Шавлиани или уже его сын Адарнасе (см. ниже).

Картли, как мы помним, уступил абхазам, вероятно, еще отец Давида, куропалат Баграт, около 875 г.: сам Давид был, очевидно, неспособен вернуть себе Картли и потому поддерживал в борьбе с абхазами своего двоюродного дядю — анийского царя Ашота I. На стороне же Шавлиани из Багратидов сражались, что естественно, Наср, шурина Адарнасе, и, что менее ожидаемо, Гурген, сын Адарнасе, из старшей линии, который мог оказаться и в противоположном лагере, ведь его сестра была замужем за Абасом Карсским — братом Ашота I Анийского, а сам он приходился Ашоту шурином.

Между двумя этими сообщениями ЛК 142.17–18 упоминает об уходе Липарита Багваши (из Аргвети) в Самцхе. Судя по контексту, это произошло в правление именно Шавлиани, а не Георгия I⁴². Уйдя из Абхазии, Липарит, естественно, нуждался в могущественном покровителе; то, что он выбрал именно Давида Багратида, объяснимо конфликтами как Георгия I с его отцом Багратам, так и Шавлиани с самим Давидом. Впрочем, нельзя исключать, что последний конфликт стал во многом следствием ухода Липарита. А тот факт, что он спокойно обосновался в Самцхе, говорит в пользу независимости этой территории от Шавлиани.

Итак, в борьбу за Картли вступили новые игроки — анийские Багратиды, которые скоро, в 884 г., получают от халифа цар-

⁴² Поэтому предположение о том, что Липарит ушел из-за централизаторской политики Георгия I (Картлис цховреба... С. 169. Примеч. 70), спекулятивно.

ский титул. Возможно, их покушение на Картли было вызвано как раз сменой правящей династии в Абхазии и убийством абхазского эристава Картли. Одновременно этот конфликт внес еще больший раскол в среду тао-кларджетских Багратидов: куропалат Давид нашел в армянах новых союзников (вместо арабов) в борьбе за свои династические права на Картли, а Наср, вынужденный отстаивать владения постригшегося в монахи отца Гуарама, и Гурген из старшей линии (оттесненной, как мы помним, средней и младшей линиями Багратидов) примкнули к абхазским царям. Был ли брак сестры Насра с Адарнасе Шавлиани следствием или предтечей армяно-абхазского конфликта, установить, впрочем, невозможно; так или иначе, этот брак стал судьбоносным.

Развязка внутривагратидского конфликта оказалась трагической: в 881 г. Наср заманил и убил Давида, причем, по уточнению ИПБ 225.7–8, без ведома своего отца Гуарама, который к этому моменту уже постригся в монахи (ЛК 142.22–23). В ответ Наср подвергся нападению войска, состоявшего из армян, Липарита, картлийцев, Ашота Кекелая и арабов, т.е., по сути, той же коалиции, что воевала незадолго до этого с абхазами. Наср потерпел поражение и бежал в Византию. Однако ввиду малолетства сына Давида Адарнасе титул куропалата получил престарелый Гурген из старшей ветви рода, не принимавший участия в данном конфликте. Впрочем, куропалатство недавнего союзника не принесло абхазам пользы: уже вскоре, в 888 г., мы встречаем его в рядах той же антиабхазской коалиции (ЛК 143) — возможно, со стороны остальных Багратидов это было условием получения титула.

Об исходе войны между армянами и абхазами за Картли ЛК ничего не сообщает. С одной стороны, в пользу захвата армянами Картли говорит участие картлийцев в собранной армянами около 881 г. коалиции. С другой стороны, в битве за Самцхе в 888 г. был убит «эристав абхазов» (ЛК 143.9), а значит, Абхазия продолжала держать в Картли своего эристава, которым во времена Георгия I был брат Баграта — «чихский эристав» Тини-

не. Поэтому все же вероятнее, что в результате конфликта при Шавлиани, уже после 881 г., абхазам удалось сохранить за собой контроль над Картли, установленный еще Георгием I.

Этот контроль мог быть получен, однако, не только в ходе боевых действий, но и благодаря мирному договору с армянами. ЛК хранит молчание о каком-либо примирении абхазов с армянами в 870–890-е годы, однако ИИД 29 говорит об Ашоте I Анийском (884–890), что «царь егерский, соединенный с ним узами дружбы, посещал его и всегда искренне отдавал ему долг служения, как если бы навечно был сыном его». Кто же из абхазских царей имеется здесь в виду?

Георгий I умер, согласно ЛК 142.12, до 881 г., после чего, при Шавлиани, и началась война с армянами за Картли, шедшая, как минимум, до изгнания их союзника Насра, т.е. до 881 г. В свою очередь, Баграт I в 888 г. также вступил в конфликт с армянами (см. ниже). Следовательно, абхазским царем — другом Ашота I — мог быть только один из Шавлиани. Учитывая же дату воцарения Ашота (884 г.), равно как и дату войны при Баграте I (888 г.), следует признать им именно Адарнасе Шавлиани. Этому не противоречит и его брак с дочерью Гургена, так как последний был зятем Абаса, брата Ашота I. Напротив, свидетельством такого мира может быть брак одного из сыновей (или внуков) Ашота с дочерью абхазского царя, заключенный до 897 г. (ИИД 35), а скорее всего и до обострения абхазо-армянских отношений в 888 г., т.е. брак с дочерью Иоанна Шавлиани (Адарнасе сам женился лишь незадолго до 880 г.). Таким образом, вполне вероятно, что война между абхазами и армянами за Картли закончилась в середине 880-х годов мирным договором и междинастическим браком (даже более важным для укрепления легитимности Шавлиани, чем брак Адарнасе с дочерью мампала Гуарама).

III. Консолидация Абхазского царства (конец IX — первая четверть X в.)

А. Баграт I и возобновление византийско-абхазского союза (конец IX в.)

1. Воцарение Баграта I (середина 880-х годов) и возвращение Абхазии под сюзеренитет империи

То, чего византийцам не удалось добиться посредством двух военных походов, ЛК приписывает случайности — политическому перевороту внутри Абхазии: «...Бросили Баграта в море. Но Бог спас его, и достиг он города Константинополя... Баграт, сын царя абхазов Димитрия, находился в Греции, в Константинополе, и дал греческий царь войско, выслал морем, и вступил [Баграт] на корабле в Абхазию, убил Адарнасе, сына Иоанна, и завладел Абхазией» (ЛК 142–143).

Таким образом, империя оказалась защитником прав той династии, которая уже однажды или даже дважды отлагалась от нее и с которой она находилась в почти вековом конфликте, — этот парадокс легко объясняется гибкой стратегией византийской дипломатии, воспользовавшейся удобным случаем для возвращения Абхазии в свою орбиту влияния. Характерно, что в данном случае империя сделала ставку на флот, вероятно, учтя опыт неудачного сухопутного похода 842 г. Из хронологии абхазских царей и внутрибагратидского конфликта известно, что изгнание Баграта произошло между 864 и 881 гг., а его возвращение — между 881 и 887 гг.

Конечно, возвращение Баграта вряд ли было возможным, если бы в Абхазии не осталось приверженцев законной династии. Вообще же Баграту досталась держава с боеспособной армией (см. ниже) и прочными внешнеполитическими позициями: судя по упоминанию убитого в кампании 888 г. «абхазского эристава», после войны за Картли при Шавлиани Абхазия продолжала держать там своего эристава.

В связи с этим встает вопрос и о характере взаимоотношений между Багратом и Византией. ЛК 143–145 называет Баграта царем, так же, как и его наследников, Константина III и Георгия II, поддерживавших союз с империей. В то же время мы точно знаем, что Георгий II имел титул магистра (DAI 45–46). Впрочем, DAI 45 сообщает, что экскусиаст Абхазии именовался магистром уже в царствование Романа Лакапина (920–944). Действительно, недавно в научный оборот была введена предположительно строительная надпись из Бамборы в Абхазии, содержащая тот же титул (магистр) и датированная по палеографии временем около 930 г.⁴³ Абхазский царь в собственной надписи именуется себя магистром, равно как и экскусиастом, что показывает важность для него этих титулов⁴⁴.

Однако время присвоения титула магистра абхазским царям можно, как кажется, сделать еще более древним. В письме 46 патриарха Николая Мистика, адресованном только вступившему на престол (ок. 922) Георгию II, помимо восхваления Георгия и его покойного отца во вступлении и просьбы о помощи архиепископу Аланскому, в самом конце содержится единственная конкретная информация: «Послали мы [тебе] ради благословения плащ». Слова «ради благословения» вроде бы намекают на частный подарок патриарха, пусть и несколько своеобразный. Однако не стоит забывать, что парадный плащ являлся в Византии инсигнией: его передавал тот же Николай Мистик Ашоту II Анийскому⁴⁵, и посредством подарка в виде плаща императорский посланец должен был сделать магистром Гургена Багратиды

⁴³ Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // РА. 2012. № 3. С. 97–108. К сожалению, на момент публикации данной статьи нам не была известна прорисовка блока, опубликованная в ст.: *Chervachidzé L. Le complexe monastique «Aylaga Abykou» // L'arte georgiana dal IX al XIV secolo / a cura di M.S. Caló Mariani. Galatina, 1986. P. 91–96. Tav. XLV.1, где читается τοῦ μαγίστρου καὶ ἐξουσιαστοῦ.*

⁴⁴ Вопреки утверждению грузинских авторов (см.: Очерки из истории... С. 147) о «принижавшем» характере этих титулов.

⁴⁵ Юзбашян К.Н. Указ. соч. С. 110.

в 923–937 гг. (DAI 46). Поэтому вполне возможно, что и Николай Мистик передавал Георгию II именно магистерский плащ, причем описывая это как нечто само собой разумеющееся. Такому предположению, на первый взгляд, противоречит обращение Николая к Георгию как к экскусиасту, без упоминания магистра (такое же, как и к его отцу Константину III в письмах 51 и 162), однако в действительности здесь мы имеем дело с византийским эпистолярным этикетом: тот же Константин Багрянородный, который неоднократно прямо называет Георгия II «экскусиастом и магистром» (DAI 45–46), наказывает обращаться к нему письменно только как к экскусиасту (De ser. II, 48) — сюзеренитет императора здесь выражен в обозначении данного письма как «приказа».

Итак, можно предположить, что магистром абхазский царь стал не около 950 г. и не около 930 г., а еще в середине 910-х или в начале 920-х годов, т.е. магистром был и Константин III, и, возможно, даже прибывший из Константинополя Баграт. В конце концов, нет абсолютной уверенности и в том, что Абхазия вернулась к союзу с Византией именно после бегства Баграта: союз мог быть заключен и ранее, где-то между 842 и 881 гг., а Баграт бежал в Константинополь именно из-за этой связи. В любом случае, включение абхазских правителей в византийскую иерархию вполне вписывалось в контекст восточной политики Василия I, при котором и произошло возвращение Баграта в Абхазию.

Впрочем, вассалитет Абхазии по отношению к Византии, как и у некоторых других кавказских государств, был, очевидно, формальным. Во внутрикавказских делах Абхазское царство занимало самостоятельную позицию. Так, например, обстояло дело с внутрибагратидской борьбой Гургена и Адарнасе 891 г. — у абхазов почти не было причин поддерживать Гургена, который за три года до этого участвовал в разгроме их войска. Равным образом абхазский царь не выступил и на стороне Адарнасе, возглавлявшего этот разгром 888 г., хотя сын Баграта I Константин III и женился на дочери Адарнасе (ИИД 41) — Впрочем, неизвестно, до или после 891 г. Итак, в данном случае Абхазия

проявила во внешней политике самостоятельность и последовала собственным интересам.

2. Вмешательство во внутрибагратидский конфликт и поход в Самцхе (888 г.)

Дальнейший ход событий был также определен цепью случайностей. С одной стороны, после изгнания Баграта Иоанн Шавлиани женил своего сына Адарнасе на дочери Гуарама Багратида, благодаря чему в борьбе абхазов с армянами за Картли на его стороне выступал ее брат Наср со своим кузеном Гургеном, тогда как на стороне армян сражался другой их двоюродный брат, Давид из средней ветви Багратидов. После того как Наср обманом убил Давида в 881 г., его противники в союзе с арабами лишили его крепостей и изгнали в Грецию (ЛК 142.28–29). С другой стороны, после возвращения в Абхазию Баграт женился на вдове Адарнасе Шавлиани — сестре Насра. Благодаря этому он оказался шурином и союзником Насра, поддерживавшего до этого его политических противников — Шавлиани.

Согласно ЛК 142.28–29, Наср «отправился в Грецию к царю греков», однако ИПБ 225.9 уточняет, что он «бежал в царственный Константинополь». Почти невероятно, чтобы в Константинополе после 881 г. не встретились два кавказских изгнанника: Наср и возмужавший Баграт. Поэтому весьма возможно, что о политическом союзе они договорились еще в константинопольском изгнании. В результате Баграт вызвал Насра из Византии и дал ему войско для отвоевания крепостей в Самцхе. Однако войско Насра, абхазов и союзных им алан было разбито в 888 г. коалицией армян, сына Давида Адарнасе и перешедшего на его сторону Гургена, а Наср был убит в Аспиндзе (ЛК 143.5–9; ИПБ 225.13–19). Также погиб «абхазский эристав» Картли и аланский мтавар Бакатар. Впрочем, это поражение не затронуло Картли, контроль над которой абхазам удалось сохранить (см. ниже).

Мы видим, как на протяжении примерно десятилетия меняется не только расклад сил на Западном Кавказе, но и политические союзы, а точнее, участие в них некоторых Багратидов (Насра и Гургена), тогда как ядра этих союзов остаются стабильными. В результате Баграт вынужден вести войну с той же коалицией армян и средней ветви Багратидов, что и свергнутый им Адарнасе. В этом плане сама женитьба Баграта на вдове Адарнасе означала преемственность внешнеполитического курса Абхазии в борьбе за Картли и Самцхе.

Судя по тому, что вернувшийся из Византии Наср отвоевывал Самцхе только с абхазскими и аланскими войсками, империя не принимала прямого участия в конфликте 888 г. Помогая с одной стороны Баграту, с другой она поддерживала враждебных Насру Багратидов, которым давала титул куропалата: сперва Давиду (ум. 881) из средней линии, а затем его кузену Гургену (881–891) из старшей — прежде союзник абхазов, он перешел на сторону их противников. Благодаря такой политике сдержек и противовесов империи удалось не только поддерживать баланс сил на Западном Кавказе, но и вернуть Абхазию в сферу своего влияния.

Несмотря на разгром войск Насра, Гургена и Баграта, ни в ЛК, ни в ИПБ не упоминается, что после убийства Насра победившие Багратиды вернули отвоеванные им крепости в Самцхе. Более того, существуют, как минимум, два указания на то, что в 900–910-е годы абхазские цари владели Самцхе, полностью или частично. Во-первых, после победы над Константином III Смбат Анийский в первой половине 900-х годов захватил крепости Вури, т.е. долины р. Вере⁴⁶, к востоку от Самцхе, которые, очевидно, принадлежали абхазскому царю. Во-вторых, описывая бегство армянского царя Смбата от арабского наместника Юсуфа в 907 г. (см. ниже), и ЛК 143.19–20, и Асохик 112 указывают, что он спрятался в «горах Абхазии». Из параллельных рассказов Асохика 112, и ИИД 43–44, и «Мученичества Михаила-

⁴⁶ *Draxsanakertci Y. History of Armenia / transl. a. comment. by K.H. Maksoudian. Atlanta, 1987. P. 287.*

Гоброна»⁴⁷ выясняется, что преследовавший Смбата Юсуф взял крепость Квели, где Смбата уже не было. Получается, что, если не сама крепость Квели и Самцхе, то находящаяся к северу за Арсианским хребтом Ачара (Аджара) была к 907 г. абхазской. Мы знаем, что в 923 г. Квели и Ачарой владел Гурген II⁴⁸, который отдал их Ашоту Кискасису за Артануджи, но потом снова отнял их — это привело к конфликту с Георгием II, братом жены Ашота. Параллельно шел конфликт за наследство Константина III между Георгием II и его братом Багратам, которого поддерживал опять же Гурген II. В связи с этим встает вопрос, не была ли Ачара в 907 г. абхазской, не оказалась ли затем базой для Баграта и после его смерти не перешла ли к его союзнику Гургену? Таким образом, складывается впечатление, что в 888 г. абхазскому царю Баграту удалось захватить старые владения мампала Гурама, расположенные к югу от Эгриси: Ачару, долину Вере и, вероятно, Самцхе.

3. Войны с армянами за Картли (890–893 гг.)

На время правления Баграта I приходится, очевидно, и еще одна война с армянами — теперь уже за Картли. С одной стороны, выше мы видели, что к 888 г. контроль над Картли сохранялся у абхазов. С другой стороны, ИИД 41 утверждает, что Смбат I Анийский в начале 900-х годов контролировал Картли «до Аланских ворот». Что же явилось причиной утраты Картли абхазскими царями в 890-е годы? Вряд ли это было поражение в конфликте 888 г., ведь он затронул только Самцхе.

Та же ИИД 29 утверждает, что Ашот I (884–890) «подчинил своей власти всех без изъятия грубых жителей Гугарка и разбой-

⁴⁷ См.: Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии / сост. Г.А. Амичба. Сухуми, 1986. С. 8–9.

⁴⁸ Независимость Самцхе в 922–924 гг. подтверждает и Аль-Масуди (см.: *Martin-Hisard B. Constantinople...* P. 453. N. 649). Наоборот, утверждение о том, что в 923 г. Ачарой владел Давид Багратид (см.: *Ibid.* P. 452. N. 637), не находит подтверждения в источниках и, более того, прямо противоречит DAI 46.

ных людей гавара Ути и уничтожил у них разбой и вероломство, всех их привел к порядку и покорности и поставив над ними предводителей и ишханов». Однако чуть ниже ИИД 30 сообщает, что на момент смерти Ашота I, т.е. в 890 г., его сын Смба́т, «отправившись в сторону Гугарка на завоевание тамошних племен, не успел завершить предпринятого». Термин «Гугарк» в обоих случаях может обозначать как собственно древнюю Гогарену⁴⁹, так и современную Восточную Грузию вообще⁵⁰.

Если поход 890 г. был нацелен именно на Картли, а не на Гогарену, то он мог быть продолжением конфликта 888 г., ослабившего там власть абхазов (напомним, что в 888 г. погиб абхазский эристав Картли). Характерно, что после этого куропалат Адарна́се был крайне лоялен к конфликту Смба́та I с дядей Абасом, так как последний был тестем и союзником конкурента Смба́та — Гургена II из старшей линии Баграти́дов. Можно предполагать, что за эту верность куропалат надеялся получить в управление Картли: из-за смерти отца Смба́т не успел завершить свое предприятие, но не собирался от него отступаться, как показали дальнейшие события.

В ИИД 31 описывается еще один поход Смба́та, теперь уже в качестве царя, на Картли и ее подчинение: «...Расширял он пределы своего государства на северо-запад до города Карина, а там, пересекши Кларджк, [дошел] далее вплоть до берега Великого моря и [затем] до пределов егерских и до подошвы великих гор Кавказских; [захватив] Гугарк и Цанарк до Аланских ворот, царь овладел также ими и защищавшей врата крепостью, а оттуда [направился] по южному берегу реки Куры до города Тпхиса; он [овладел] и гаваром Ути вплоть до города Хунаракерта, а также до Туса и Шамхора. Расширив таким образом пределы своего государства, на которые возложил иго царских сака, бе-

⁴⁹ См., например, ИИД 57: «пошел в страну Гугарк и достиг большой крепости, которая на иверском языке зовется Шамшудде».

⁵⁰ См., например, ИИД 41: «страна гугаров, обитающих близ Аланских ворот» (речь идет о Картли), и ИИД 59: та часть «Гугарка, что примыкала к Аланским воротам» (речь идет о Кахетинском хорепископстве).

кара и пошлин...». Здесь «Гугарк и Цанарк до Аланских ворот» уже точно (как и в ИИД 41 и 59) обозначают именно Картли — очевидно, Западную (абхазскую) и Восточную (кахетинскую).

ИИД помещает перечисление этих завоеваний перед сообщением о землетрясении в Двине, т.е. до декабря 893 — января 894 г. К сожалению, мы не знаем точно, правил ли в это время еще Баграт I или уже его сын и наследник Константин III. Если верно второе, тогда это может объяснить как выбор времени для начала войны — смерть Баграта I, так и дальнейшую попытку Константина III отвоевать Картли. Армянская операция согласно маршруту была направлена не только на захват Картли, но и на нанесение удара по абхазским владениям в Эгриси. Впрочем, не исключено, что война 893 г. закончилась новым абхазско-армянским миром, по которому Константин III и получил в жены дочь куропалата Адарнасе (ИИД 41).

Несмотря на утверждение ИИД 31 и 41 о полной власти Смбата над Картли, далеко не очевидно, что дело обстояло именно так. Во-первых, ход войны 900-х годов показывает, что в реальности Картли управлял союзный Смбату куропалат Адарнасе. Во-вторых, ЛК 143.11 между рассказом о событиях конца 880-х и серединой 900-х годов помещает следующее замечание: «В Картли же господствовали азнауры», — что, вполне вероятно, и отражало истинное положение дел.

Б. Константин III и утверждение Абхазского царства на Кавказе (первая четверть X в.)

Вся политика Константина III, насколько мы можем о ней судить по немногочисленным свидетельствам, преследовала две параллельные и при этом взаимосвязанные цели: укрепление позиций в Картли и выстраивание отношений со всеми соседями. Неизвестно, женился ли он на дочери куропалата Адарнасе (ИИД 41) до или после восшествия на престол, однако политический подтекст этого брака очевиден и значим: это было примирение с недавним противником в борьбе за Самцхе (поэтому

данный брак был, очевидно, заключен после 888 г.). Впрочем, всех разногласий между ними этот брачный союз не снял, как это становится видно из рассказа ИИД о войне Константина III со Смбагом I.

1. Война с армянами и армяно-абхазский союз

Рассказ о войне Константина III со Смбагом I сохранился в двух источниках — ЛК и ИИД⁵¹. ЛК 143.12–15 излагает ее события очень кратко: «В это время выступил Константин, царь абхазов, и захватил Картли. Разгневался на него царь армян Сambat Тиезеракал, выступил с большим войском и обступил Уплисцихе. Поставили друг на друга палан-курдани (сёдла. — А. В.) и при помощи этой хитрости взяли крепость. Но затем Сambat и Константин полюбовно договорились, и вернул тот ему Уплисцихе и всю Картли». Несмотря на краткость, рассказ ЛК содержит уникальные сведения об осаде и взятии Уплисцихе, подтверждающие его оригинальность.

Повествование Иоанна Драсханакертци, современника описываемых событий, намного пространнее. Оно сходится с ЛК в общих чертах, хотя и различается в описании способа пленения абхазского царя. Согласно ИИД 41, Константин III захватил Картли вопреки уговорам Смбата I, который считал эту землю своей и использовал для переговоров куропалата Адарнасе, приходившегося абхазскому царю тестем, а ему самому — двоюродным племянником. Сambat и Адарнасе осадили Константина в некой крепости, и во время его переговоров с Адарнасе армянские нахарары схватили абхазского царя. Сambat занял крепости в стране Вури (долина р. Вери, см. выше), а Константина держал в Ани под стражей, хотя и с почетом. После того как абхазы решили выбрать себе нового царя, Сambat предпочел купить преданность Константина и отпустить его после четырехмесячного заключения домой с дарами и царскими регалиями, чем вызвал гнев Адарнасе.

⁵¹ Схожесть между ними весьма велика, так что предположение, что в них описываются два разных похода (см.: Картлис цховреба... С. 169–170. Примеч. 81), кажется натянутым.

Выше указывалось, что около 893 г. контроль над Картли перешел к армянам и, возможно, был препоручен ими куропалату Адарнасе, хотя в реальности он был, видимо, в руках у местных азнауров. Со своей стороны, Адарнасе был, очевидно, кровно заинтересован в сохранении этого шаткого status quo (обеспеченного, в частности, браком его дочери с Константином III), т.е. своего контроля над Картли.

Ход войны показал, что силы абхазов уступали мощи союзного войска армян и куропалата: видимо, Константин III рассчитывал, что отвлеченный борьбой с арабским наместником Смбат I не станет помогать Адарнасе. Однако военное поражение и пленение обернулось для абхазского царя удачей: Смбат решил сделать ставку на него и передал абхазскому царю в управление Картли — именно так следует понимать слова ЛК 143.15: «вернул [...] Уплисцихе и всю Картли».

Ведь, приняв от Смбата царские регалии (золотой венец с жемчугами и золотой пояс), Константин стал его формальным вассалом — если к этому моменту абхазский царь уже имел византийский титул, то мы сталкиваемся здесь с типичным для Кавказа случаем двойной легитимации власти местного правителя⁵². Соответственно и Картли Константин владел не полноправно, как его предшественники, а в качестве вассала анийского царя, что продемонстрировала и армянская «реконкиста» Картли в 914 г. (см. ниже).

Впрочем, как показывают дальнейшие события, Константина, очевидно, не тяготила эта дружба с армянами. Верность Константина заключенному союзу подтверждает косвенно и ИИД 52: после покушения куропалата Адарнасе на власть Смбата около 908 г., тот выслал наказанных нахараров частично к византийскому императору, частично — к абхазскому царю.

2. Поход на Эрети, нашествие Юсуфа и отвоевание Картли

И ЛК, и ИИД помещают войну за Картли незадолго до нашествия Юсуфа (Абуль-Касима), начавшегося в 907 г. Однако

⁵² Как это было, например, с отцом Смбата — Ашотом I (ИИД 29).

в действительности ее следует отодвинуть на чуть более ранний срок: как утверждает надпись из Эредви (к западу от р. Ксани, т.е. в абхазских владениях), датированная 906 г., в этом году Константин III «вошел в Эрети, обратил царя эров в бегство и с миром вернулся обратно; на утрени молился в Алаверди, на вечерни — в Бредзе; во второй раз пошел вновь и разрушил Вежинскую крепость»⁵³. О походе Константина в Эрети, осаде Вежини (правда, согласно ЛК, ее не взяли, а дело закончилось миром) и молитве в Алаверди рассказывает и ЛК 144.4–11. Но в ЛК этот поход помещен после долгого рассказа о нашествии Абуль-Касима 907–914 гг., а точнее, после упоминания о смерти Смбата I (ум. 912). Эредвская надпись показывает, что хронология событий в ЛК нарушена: на самом деле, поход Константина III в Картли предвещал нашествие Абуль-Касима. Соответственно ошибочно и указание ЛК на смерть Константина через несколько дней после похода на Эрети. Таким образом, войну Константина III и Смбата I за Картли следует датировать временем до 906 г.

Согласно ЛК, в поход на Эрети Константин — очевидно, в качестве владетеля Картли — был приглашен кахетинским хорепископом Квирике I. Так Абхазия вступила в контакт, пока мирный, с еще одной политической силой на Кавказе — Кахетинским хорепископством. Участие Константина в походе было небескорыстным: в результате он получил крепости Ариши и Гавазни. Правда, не очень понятно, как абхазский царь мог контролировать крепости, отрезанные от его владений Кахетинским хорепископством. Как бы то ни было, абхазские цари сделали новый геополитический шаг вперед и впервые заявили о своих претензиях на территории к востоку от границы по р. Ксани — претензиях, которые будут составлять значительную часть абхазской внешней политики в середине X в.

⁵³ Корпус надписей Грузии: в 2 т. Т. 1 / изд. Н. Шошиашвили. Тбилиси, 1980. С. 170–172 (на груз. яз.). Желанию Л. Ахаладзе (Очерки из истории... С. 143–144) спасти хронологию ЛК противоречит сама надпись, которая, с одной стороны, датируется 906 г., а с другой — упоминает о закладке храма после похода Константина III на Эрети.

С пребыванием Константина III в Восточной Грузии связан еще один документ — грамота Шио-Мгвимскому монастырю в Картли, находившемуся рядом с той самой ксанской границей между владениями абхазского царя и кахетинского хорепископа. Грамота подписана именами абхазских царей Константина и Баграта, а также «царей кахов Фадлы и Квирике»⁵⁴. Учитывая занятие Константином Картли лишь около 905 г., логичнее датировать ее не временем вскоре после 893 г., как это делает Б. Мартен-Изар, а периодом после 918 г., видя в Фадле и Квирике из грамоты не Фадлу I и Квирике I (893–918), а Фадлу II (918–929) и Квирике II. Кроме того, сомнительно, чтобы у Константина в 890-е годы уже был младший сын, так как сам Константин родился не ранее середины 880-х годов, когда его отец Баграт I женился на вдове Адарнасе Шавлиани.

Впрочем, укрепить свои позиции в Восточной Грузии Константину помешало нашествие на Кавказ арабского наместника Адарбагана Юсуфа (Абуль-Касима), описанное в ЛК 143.16–144.3. Оно началось в 907 г. и затронуло вначале Армению, в результате чего Смбат I бежал после этого в горы Абхазии (ЛК 143.19–20; Асохик 112), возможно, памятуя о недавно заключенном союзе. Впрочем, Асохик уточняет, что вскоре армянский царь вернулся в Ширак, а преследовавший его Юсуф пошел в Самцхе — следовательно, Смбат спрятался где-то на самом юге Абхазского царства (см. выше)⁵⁵.

Лишь затем, после Кахетии, Абуль-Касим вступил в Картли и разорил ее, причем стены Уплисцихе были заранее разрушены картлийцами, чтобы не дать арабам в них укрепиться, как укрепился здесь сам Константин несколькими годами ранее. Отсюда Абуль-Касим ушел в Самцхе и Джавахетию, так что владениям Константина не был нанесен катастрофический ущерб.

⁵⁴ О ней см.: *Martin-Hisard B. Constantinople...* P. 462.

⁵⁵ Видимо, именно поэтому ИИД 43–44 говорит о его бегстве в горы Кларджетии. В ЛК совмещены походы Юсуфа на Картли и Армению (любезно указано Ш. Гугушвили).

Кто получил контроль над Картли после ухода Абуль-Касима, ЛК не сообщает. Однако тот Гугарк, который занял в 914 г. Ашот II Анийский (ИИД 50), — это, судя по его маршруту (Ширак — Гугарк — Тбилиси), не Картли, а Гогарена. Ниже ИИД 52 указывает егеров-абхазцев среди народов, покушавшихся на армянские территории в 913–914 гг.⁵⁶: поскольку Анийское царство напрямую не граничило с Эгриси, то речь, возможно, идет о соперничестве за Гогарену (если только этот риторический пассаж следует понимать буквально). В то же время еще чуть ниже та же ИИД 54 свидетельствует о дружеских отношениях двух держав, приводя письмо константинопольского патриарха Николая Мистика армянскому католикосу Иоанну, написанное в 913 г., где сообщается о призыве империи к куропалату и абхазскому царю создать антиарабскую коалицию в защиту Армении. Впрочем, и это письмо (возможно, поддельное, но хорошо отражающее политическую ситуацию 910-х годов), призывающее куропалата, абхазов и армян «забыть взаимные столкновения», свидетельствует о том, что армяне уже не доминировали на Кавказе, а вынуждены были, оставив прежние амбиции, искать помощи у своих недавних вассалов. Точно так же Ашот II вел себя и позднее, около 921 г., когда искал у абхазского царя военной помощи для похода против утийцев, впрочем, безуспешного (ИИД 63). Поэтому, вероятнее всего, именно абхазский царь сохранил за собой после похода Юсуфа власть над Картли, причем теперь не вассальную, как прежде, а полную.

3. Участие в аланской миссии

В письме от 913 г. армянскому католикосу Иоанну Николай Мистик упоминает о своем послании «начальнику абхазов», т.е. Константину III, с тем самым призывом к созданию анти-

⁵⁶ «...Соседи наши — народы, что живут окрест нас: греки и егеры, гугары и утийцы, [а также] проживающие у подножья Кавказа северные племена, полагая, что сумеют лишить злого остикана повода [вторгнуться] к ним, если он не найдет ни одного благоустроенного города, авана и гюха, каждый у пределов своей страны постарались все разорить, разрушить, сломать, сровнять с землей».

арабской коалиции. Это послание не сохранилось (если вообще существовало), зато до нас дошло другое письмо тому же царю, посвященное иной теме. В письме 51 Николай Мистик «в первый раз» обращается к «преславному эксусиасту Авасгии». Исходя из того, что абхазскому царю Георгию II адресованы два других послания (46 и 162), причем письмо 46 написано сразу после восшествия Георгия на престол, К. Туманов⁵⁷ определил адресата письма 51 как его отца — Константина III.

Традиционно восхвалив абхазского царя за боголюбие, патриарх, однако, сразу же переходит к сути дела — благодарности за помощь архиепископу Аланскому, за проявление «гостеприимства, заботы, другого обо всем попечения, какое только можно предоставить и которое ты выказал боголюбивейшему архиепископу, нашему чаду, со всей охотой и от всей души»⁵⁸. Поскольку упомянутый здесь архиепископ Петр отправился в Аланию зимой 914 г., данное письмо следует датировать временем вскоре после этого. Употребленное же здесь выражение «в первый раз» (πρῶτος) указывает на то, что прежде писем Константину III патриарх не писал, а значит, факт отправки ему антиарабского письма 913 г. (см. выше) остается сомнительным.

По-видимому, именно в правление Константина III, а точнее, между 912 и 915 гг., произошло и крещение правителя алан. Если в письме 79 от 912 г. Николай Мистик говорит просто о «новообращенных» как о заслуге миссионеров, то уже в письме 51 (914–915 гг.) патриарх благодарит Константина за крещение архонта Алании: «Ведь мы узнали от разных людей, знающих твои подвиги, что ты, [вторым] после Бога, проявил большое попечение о просвещении архонта Алании и о тех, кто вместе с ним удостоились святого крещения»⁵⁹. Можно легко

⁵⁷ *Toumanoff C. Chronology of the Kings of Abasgia and Other Problems // Le Museon. 1956. Vol. 69. P. 80–81.*

⁵⁸ *Nicolaus Mysticus. Letters / ed. a. transl. by R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, D.C., 1973. P. 278. (CFHB; 6).*

⁵⁹ *Ibid. 3.В. Анчабадзе (Избр. тр. С. 363) ошибочно считает адресатом это-го письма Георгия I.*

представить себе, как Константин посредством писем или при личной встрече убедил (может, и при помощи неких политических аргументов) своего аланского соседа в преимущества вхождения в христианскую ойкумену.

В письме 51 заслуга крещения аланского правителя приписывается только абхазскому царю. Также и в письмах к Петру патриарх нигде не приписывает заслугу обращения князя самому архиепископу — впрочем, как и Евфимию, хотя повод к этому Николаю представлялся, как минимум, 3 раза (в письмах 9, 79 и 135). Таким образом, единственный, кого патриарх упоминает в связи с крещением аланского правителя, — абхазский царь Константин III. Следует ли из этого, что аланы были крещены по инициативе абхазского царя⁶⁰? Против этого говорит следующее обстоятельство: первая аланская миссия — Евфимия, ближайшего сотрудника Николая Мистика⁶¹, — датируется 912 г., в то время как письмо Константину III отправлено не ранее чем через два года, уже при архиепископе Петре⁶².

Но не был ли аланский правитель крещен рукой абхазского клирика⁶³? Предположение строится лишь на последовательном упоминании о крещении князя и помощи архиепископу в письме 51 — однако такой порядок связан, скорее, с эпистолярным (и отчасти дипломатическим) этикетом: от благодарности за оказанную поддержку патриарху легче перейти к просьбе о будущей, а ведь именно просьбами заканчивается большинство писем Николая Мистика. Кроме того, если аланский князь был крещен не греком, значит, Евфимий не выполнил инструкций патриарха ждать приезда смены. Ничего не говорят об «абхазском крещении» и арабские авторы — напро-

⁶⁰ Иванов С.А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 180–181.

⁶¹ О нем см.: РМбЗ. Nr. 21926.

⁶² Между тем страницей ниже С.А. Иванов (*Иванов С.А. Указ. соч.* С. 182) уже утверждает, что «абхазы лишь помогли грекам».

⁶³ Догузов К.Г. Византийско-аланские отношения: дис. Тбилиси, 1987. С. 113–116.

тив, они инициатором христианизации считают византийского императора. Поэтому от такой гипотезы приходится все же отказаться.

Впрочем, очевидно, что Константину пришлось решать проблемы аланского иерарха и предоставлять ему то, чего, по всей видимости, невозможно было найти в дикой Алании. Патриарх просит эксусиаста помогать аланскому иерарху и в будущем, чтобы «получить многократное воздаяние от щедрого Бога нашего», обещая ему ту же награду, что и миссионерам. Таким образом, абхазский царь оказался не просто случайным помощником архиепископа на его пути из Константинополя в Аланию, но как бы и его патроном. Скорее всего, на позицию царя повлияло не только давление Константинополя, но и старые дружеские связи Абхазии с Аланией: в войне Насра и абхазов против коалиции Адарнасе в 888 г. (см. выше) на стороне первых участвовал и погиб в битве аланский мтавар Бакаатар. Как показывает другое письмо Николая Мистика (46), абхазская помощь молодой Аланской Церкви оказалась не личной инициативой Константина III, а продолжилась и в правление его сына — Георгия II.

IV. Становление Абхазского царства между двумя империями

Как уже было сказано в самом начале, раннюю историю Абхазского царства трудно представить как некую непрерывную последовательность событий: этому препятствует как недостаток источников, освещающих лишь отдельные события и оставляющих лакуны длиной в несколько десятилетий, так и их разнородность, неясность и несогласованность, зачастую затрудняющие реконструкцию даже конкретных фактов. Кроме того, мы чрезвычайно мало знаем об остальных аспектах истории Абхазского царства, помимо политического и отчасти церковного: социальная, экономическая, этническая, церковная, культурная история этого государства дошла до нас лишь весьма фрагмен-

тарно. И все же существуют некоторые предпосылки для того, чтобы, с одной стороны, выявить ключевые узлы эволюции Абхазского царства, а с другой — синхронизировать ее с политической историей соседних держав: Армении, Тао-Кларджети, Кахетии, но прежде всего — Византийской империи и Арабского халифата. Обозначим эти узловы моменты.

А. Образование Абхазского царства и «Абхазского католикосата»

Абхазские мтавары повторили в 786–787 г. тот же шаг, что и почти столетием ранее их предки — патрикии Лазики: воспользовавшись сложным внутривизантийским положением империи, отложились от нее. Но если лазский патрикий Сергей просто сменил византийский сюзеренитет на арабский, то абхазский мтавар Леон (вероятно, его двоюродный праправнук) решился на невиданный для кавказских правителей шаг — сам провозгласил себя царем, опираясь лишь на военную помощь хазар — своих родственников по матери, с которыми абхазы наладили контакты еще до начала 780-х годов, возможно, как раз при византийском посредстве в середине VIII в.

Одновременно с этим на территории нового царства образовалась и самостоятельная Церковь, которая для периода до XI в. может лишь условно называться Абхазским католикосатом. В 787 г. исчезла Фасисская митрополия, и на ее место пришла новая церковная структура, не зависевшая ни от Константинополя, ни от Мцхеты, но имевшая грузиноязычный характер. Центр «католикосата», если он вообще был, находился, возможно, сначала в Фасисе (Поти), а позднее, вероятно, был перенесен в столицу Абхазского царства — Кутаиси. Параллельно ему на севере Абхазского царства существовала (возможно, с перерывом в 100 лет между 787 и 886 гг.) грекоязычная епархия, подчиненная Константинополю: она числилась в *Notitiae episcopatum* как Севастопольская архиепископия, в действительности же ее центр находился в Анакопии — ранней резиденции абхазских царей.

Византийцы, конечно, не признали легитимности политической и церковной независимости Абхазского царства и продолжали считать Лазику своей законной территорией, перенесли для этого митрополичью кафедру Лазики из Фасиса в Трапезунт. Но лишённые такого опорного пункта в регионе, каким был для них в конце VII — начале VIII в. Фасис, они не могли активно вмешиваться в восточнопричерноморские дела: по крайней мере, источники опять молчат об этом в течение полувека. К идее отвоевания Восточного Причерноморья византийцы смогли вернуться только к началу 840-х годов. Однако неудача сразу двух походов, как морского, так и сухопутного, заставила империю отказаться от этого возврата к политике Юстинианов I и II, которым (особенно первому), возможно, хотел подражать Феофил.

О полувеке внутривосточной истории Абхазского царства, между 787 г. и серединой 820-х годов, мы не знаем почти ничего: в это время им правили Леон II и его сын Феодосий II. Где-то ближе к концу этого периода Феодосий женился на дочери грузинского куропалата Ашота Багратида — новой заметной фигуры в кавказской политике первой трети IX в. В результате этого династического союза Феодосий участвовал в картлийском походе Ашота против кахетинского хорепископа Григола и его коалиции, закончившимся победной битвой на Ксани. Как мы видим, первые шаги Абхазского царства на международной арене были направлены ещё не на экспансию, а лишь на установление отношений с могущественными кавказскими соседями.

Следующее же появление абхазского царя в Картли, в 853 г., могло иметь как оборонительный, так и наступательный характер: выдвинув войско в Кверцхоби на северо-западе Картли, Феодосий мог и предупредить нападение арабского наместника Буги Турка на Эгриси, и построить планы на занятие Картли после гибели тбилисского эмира Саака. К этому моменту прежний союз с Багратидами был разорван, и сын Ашота Баграт оказался в числе военачальников Буги, нанесших поражение Димитрию, который вынужден был отступить в Двалети. В это

же время начался и внутрибагратидский конфликт между сыновьями Ашота, окрасивший всю политику Абхазского царства в последующие полвека. Дмитрий поддерживал с Тао-Кларджети и религиозные контакты, приглашая оттуда грузинских монахов для устройства монастырей в Эгриси (очевидно, из-за слабости местной Церкви).

Б. Территориальная экспансия и династический кризис

Новое вторжение в Картли предпринимает уже следующий абхазский царь — Георгий I. Воспользовавшись уходом арабского наместника Армении Мухаммеда-ибн-Халида в 877–878 гг., он занимает Картли — очевидно, только Западную. Для управления новыми владениями он оставляет эриставом своего племянника, но размещает его не в Картли, а в Чихе на территории Эгриси, близ картлийской границы.

После смерти бездетного Георгия I Абхазское царство постигает династический кризис: вдова Георгия убивает своего старшего племянника — картлийского эристава, а младший сын Димитрия II чудом добирается по морю до Византии. Чтобы сохранить власть, вдова выходит замуж за представителя абхазской знати — мтавара Иоанна Шавлиани, который становится новым абхазским царем.

Иоанн берет в жены своему сыну Адарнасе дочь могущественного Багратида — мампала Гуарама из младшей линии, в результате чего ее брат Наср, равно как и еще один Багратид — Гурген из старшей линии, оказываются около 880 г. союзниками Шавлиани в борьбе за Картли против армян и примкнувших к ним куропалата Давида, желавшего вернуть себе Картли, и Липарита Багваши, ушедшего при Шавлиани из Эгриси и обосновавшегося на юго-западе Картли. Результатом этой войны стал, вероятно, мирный договор, по которому Картли оставалась за абхазами, а Ашот I Анийский взял своему сыну в жены дочь Иоанна Шавлиани.

В. Консолидация Абхазского царства

Счастливым случаем в виде бегства в Константинополь Баграта, малолетнего сына Димитрия II, дал Византии возможность снова вернуть себе влияние в Восточном Причерноморье. Возвратившийся при помощи империи на абхазский престол Баграт, по всей видимости, получает титул магистра и становится формальным вассалом Византии. Сразу после этого он берет в жены вдову убитого им Адарнасе Шавлиани и затем, продолжая политику Шавлиани, помогает ее брату Насру (с которым он, вероятно, познакомился в константинопольском изгнании) вернуть отцовские владения. Их совместный поход в Самцхе оканчивается, однако, поражением от коалиции армян и Адарнасе Багратида, куропалата Гургена (недавнего союзника абхазов) и гибелью Насра, абхазского эристава Картли и аланского мтавара в 888 г.

Однако, судя по всему, абхазам удастся сохранить после 888 г. свои владения в Картли. Их захватывает лишь в 893 г. следующий анийский царь — Смбат I, который, вероятно, передал управление Картли куропалату Адарнасе, хотя реальная власть над ней достается, очевидно, местным азнаурам. Новая абхазо-армянская война заканчивается, возможно, также мирным договором, в результате которого сын Баграта Константин III берет в жены дочь Адарнасе.

Именно Константину III выпадает участь отвоевать Западную Картли в середине 900-х годов, хотя его поход окончился неудачно: перейдя Лихский хребет и заняв Уплисцихе, он затем попал в четырехмесячный плен к Смбату I. Однако через некоторое время анийский царь предпочел заполучить в лице Константина III нового союзника, передал ему Картли и, вручив ему царские регалии, с почетом отправил домой, опасаясь также начала новой междоусобицы в Абхазии. Такая дружба армянского и абхазского царей, которой последний оставался верен до самой смерти, заставила куропалата Адарнасе вступить в конфликт со Смбатом I и покунуться около 908 г. на его власть —

победив Адаранасе, Смбат сослал часть мятежных нахараров именно в Абхазию.

Получив от Смбата I в управление Западную Картли, Константин III в 906 г. предпринял, по приглашению кахетинского хорепископа Квирике I, поход в Эрети, в результате которого получил две крепости — Ариши и Гавазни. Однако укрепиться в Восточной Грузии ему помешало нашествие арабского наместника в Армении Юсуфа Абуль-Касима (907–914 гг.), которое затронуло в том числе и Картли. В 909 г. в Абхазию от Юсуфа бежит и армянский царь Смбат I. После смерти Смбата I (ум. 912) и ухода Юсуфа из Восточной Грузии Константину III, очевидно, удалось восстановить контроль над Картли и даже, возможно, покуситься на Гогарену. В 913 г. константинопольский патриарх Николай Мистик, вероятно, пригласил его вместе с куропалатом вступить в коалицию для защиты Армении от арабов.

Тот же Николай Мистик вовлек абхазского царя еще в один политический проект — по христианизации алан, его давних союзников. Константин III помогал архиепископу Петру, направленному в Аланию в 914 г. на смену первой византийской миссии монаха Евфимия. Более того, патриарх прославил абхазского царя и за участие в крещении самого аланского правителя. И в дальнейшем, при наследнике Константина Георгии II, Абхазия продолжала помогать молодой Аланской церкви до ее разгрома хазарами около 932 г.

Г. Абхазское царство между двумя империями

Если взглянуть на всю предысторию и историю Абхазского царства с позиций мировой политики, то здесь сразу выделяются две ключевые точки: отпадение от Византии патрикия Лазики в 696–697 гг. и мтавара Абхазии (и Лазики-Эгриси) в 786–787 гг. Первое отпадение не стало, однако, решающей победой халифата, так как примерно через десятилетие (с 708 г.) империи удалось более или менее вернуть Лазику под свой контроль, препо-

ручив ее новым локальным правителям (как в 705–711 гг. остаток своих лазикских владений — армянскому куропалату): вначале картлийскому эрисмтавару, затем армянскому князю и, наконец, абхазскому мтавару. Несмотря на отдельные арабские удары в 730-е годы, до 786–787 гг. Византия продолжала осуществлять в Восточном Причерноморье старую, еще римскую практику управления пограничными территориями посредством вассалов, причем не обязательно местного происхождения.

Напротив, отпадение Абхазии в 786–787 гг. стало поворотным моментом для византийской политики в Восточном Причерноморье: на месте вассального мтаварства вдруг возникает независимое царство. Не согласная с этим империя вначале попыталась вернуть данный регион силой, но потерпела две неудачи в начале 840-х годов. На протяжении большей части IX в. Абхазское царство выступало как самостоятельный игрок на кавказской арене, понемногу обретавший свое могущество: начав проникновение за Лихский хребет с участия в военных союзах с соседями (Багратидами и кахетинцами), с середины столетия оно и само стало претендовать на Западную Картли, которую, наконец, захватило в конце 870-х годов. Здесь претензии абхазских царей вновь пересеклись с интересами халифата, который неоднократно (в 850-х и середине 870-х годов) пытался вернуть Восточную Грузию под свой контроль, после чего арабское влияние здесь потихоньку начало сходить на нет.

Ни династические перевороты конца 870 — 890-х годов, ни формальное подчинение империи не меняют внешней политики Абхазского царства: оно продолжает бороться за Картли, теперь против анийских царей, и вмешиваться во внутривагратиридские конфликты. Со своей стороны Византия уже не пыталась вернуть себе ту степень контроля, которой обладала за век-два до этого: она стала довольствоваться — да и то, возможно, не сразу — формальным сюзеренитетом, выраженным через получение абхазским царем византийского титула магистра. В конце IX — первой четверти X в. вырабатывается новая форма симбиоза: Византия не вмешивалась во внутреннюю и даже внеш-

ную политику Абхазского царства, а то, в свою очередь, поддерживало дипломатические инициативы империи на Кавказе (например, христианизацию Алании). Эта эпоха стабилизации отношений и постоянной дружбы приходится как раз на время внутривосточной стабилизации в самой Византии, которой правят императоры Македонской династии.

Приложение
Хронологическая таблица правления абхазских царей*

Имя	ДАЦ	Вахушти	Такаишвили	Гугушвили	Туманов	Лорджипанидзе	Виноградов
Леон II	45	786–806	746–791	744–789	766/7–810/1	758–798	762/4–807/9
Феодосий II	27	806–845	791–818	789–816	810/1–836/7	798–825	807/9–834/6
Димитрий II	36	—	818–854	816–842	836/7–871/2	825–861	834/6–870/2
Георгий I	7	845–877	854–861	842–849	871/2–877/8	861–868	870/2–877/9
Иоанн	—	877–879	—	849–853	877/8 — ок. 879	868–?	877/9–?
Адарнасе	—	879–887	—	853–861	ок. 879 — 887	? — ок. 881	?–886?
Баграт I	12	887–906	861–873	861–873	ок. 887 — 899	881–893	886?–898?
Константин III	39	906–921	873–912	873–912	899–915/6	893–922	898?–922
Георгий II	45	921–955	912–957	912–957	915/6–959/60	922–957	922–957
Леон III	10	955–957	957–967	957–967	959/60–968/9	957–967	957–967
Деметре III	8	957–979	967–975	967–975	968/9–975/6	967–975	967–975
Феодосий III	3	979–985	975–978	975–978	975/6–978	975–978	975–978
Баграт II		985–1014	978–1014	978–1014	978–1014	978–1014	978–1014

* Основана на кн.: Toumanoff С. Chronology... Р. 82; Очерки истории... VI, 3.

Авторский коллектив

Михаил Анатольевич Бойцов — д.и.н., профессор Школы исторических наук, заведующий Научно-учебной лабораторией медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Андрей Юрьевич Виноградов — к.и.н., доцент Школы исторических наук, с.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Олег Сергеевич Воскобойников — к.и.н., PhD, доцент Школы исторических наук, с.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Михаил Владимирович Дмитриев — д.и.н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Анна Феликсовна Литвина — к.ф.н., доцент Школы филологии, в.н.с. Лаборатории лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ.

Александр Васильевич Назаренко — д.и.н., гл.н.с. Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН, в 2014 г. — приглашенный гл.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Фёдор Борисович Успенский — д.ф.н., зам. директора Института славяноведения РАН, в.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Светлана Александровна Яцык — стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Abstracts

Andrei Vinogradov

The Kingdom of Abkhazia as a Case of Politogenesis
between Christianity and Islam
(the Late 8th — Early 10th Century)

The article is dedicated to the case of the Kingdom of Abkhazia as an experience of politogenesis in the contact zone between Christianity and Islam. Emerged due to the falling away from Byzantine suzerainty, the Kingdom of Abkhazia continued to keep his commitment to Christianity until the establishment of his own Church and missionary activities in the Caucasus. To maintain its independence, the Abkhazian Kingdom was forced to resort, like Byzantium, temporary alliances with various neighbouring states (Khazar khaganate, Bagratids principalities, etc.). One of the major challenges for the Abkhazian kings was to overcome the internal fragmentation provoked by heterogeneous ethnic and political nature of their Kingdom.

Anna Litvina, Fjodor Uspenskij

The Ruler and His Namesakes
in the North and in the East of Europe

Dynastic life in medieval Europe was subject to a complex network of norms, rules, and prohibitions. Some of these were recorded in writing, although, as a rule, with a significant delay, when the rules themselves were about to fall out of use. Others, despite remaining unwritten, regulated many aspects of everyday dynastic life, which repeatedly confirmed their existence. One of the spheres regulated by such unwritten but very effective norms was that of name-giving. Based on evidence from various European royal courts between the 9th and early 13th centuries, we can identify a set of parameters according to which names could be given to members of the ruling family and establish which of these parameters were relevant to each dynasty. These structural links are of interest in themselves, both for creating a comprehensive dynastic portrait, be it

of the rulers of France, Hungary, Poland, Rus' or Scandinavia, and for identifying certain legal relations with the help of proper nouns. The following are perhaps the most significant and systemic parameters, which determined all others: Could a new member of a dynasty receive the name of his living father or grandfather and Could dynastic names be widely used outside a dynasty? In the Middle Ages, newborns in all European ruling families were most likely to receive the names of their ancestors. The question is whether the names of living relatives could be used, or whether, based on vestigial archaic notions about a kind of reincarnation of an ancestor in his progeny, only the names of dead ancestors could be used.

Alexandr Nazarenko

The Codex Gertrudianus after Gertrud.

The Fate of a Book on Dynastic Crossroads of the 12th Century

The so called *Codex Gertrudianus*, a late-carolingian Psalter from Reichenau, now in Cividale-nel-Friuli (Museo Archeologico Nazionale, Cod. cap. CXXXVI, Inv. 1545) once was in possession of Gertrud, daughter of Polish king Mieszko and wife of Kievan prince Izyaslav Yaroslavich († 1078). It came to Cividale after 1220, donated by saint Elisabeth of Thüringen. She received it from the west-bavarian counts Andechs-Diessen, and they — from Gertrud, daughter of Polish prince Bolesław III and nun of Zwiefalten in Eastern Schwaben. It is normally accepted that this last Gertrud had the Psalter from her mother Salomee, countess of Berg, who shall have inherited it from the Bolesław III's first wife, daughter of Kievan prince Svyatopolk, sun of Izyaslav and Gertrud. But the calendar of the Codex commemorates the east-bavarian counts Vohburg, for instance, Diepold III († 1146). This fact allows us to propose an alternative hypothesis, that the Codex got into hands of Gertrud of Zwiefalten from the second Diepold's wife, Kunigund, whose mother, Kunigund as well, had been married to the Volyn' prince Yaropolk, sun of Izyaslav and Gertrud. The major Kunigund shall have received the Codex from her mother-in-law before her death, 1085/6. This hypothesis could support the author's point of view, that Yaropolk was the only sun of Izyaslav and Gertrud, Svyatopolk being born from a concubine, and

that the chronicle's mention of the death of Svyatopolk's mother (1108) does not concern Gertrud.

Oleg Voskoboynikov

Right to Myth.

An Introduction to the Poetics of the School of Chartres

This article is an introduction to some most important texts, linked to the so called School of Chartres: the *De sex dierum operibus* by Thierry of Chartres, the *Cosmographia* by Bernard Silvestris, the *Philosophia* by William of Conches. These scholars combined commenting on authoritative texts of the past, from the *Genesis* to Vergile, Boethius, Macrobius etc. with sometimes profoundly innovating attempts to describe the world in prosaic and poetic texts of their own. The author tries to analyse these different forms of writing and teaching, the style of its expression in order to understand better the doctrinal achievements, traditionally ascribed to this eminent center of the XIIth century Renaissance. He compares "chartrian" texts with some no less influent texts of the same period: from Guibert of Nogent and Abaelard to Hugh of Saint-Victor.

Svetlana Yatsyk

Wise Saints and Virtuous Pagans:

John of Wales on the "Problem of Paganism"

Franciscan theologian and industrious collector of exempla John of Wales († ca. 1285) was a forerunner of so-called "classicizing" movement within the Franciscan order. "Classicising friars" had a special concern in Antiquity and inclined to combine scholastic background and classical tradition and literature while working on educational and didactic texts. John who was definitely fascinated by lives of pagan philosophers and intended to use their stories as sources of moralising *exempla*, had to face a "problem of paganism" (term introduced by J. Marenbon). He felt the need to justify the application of ancient *exempla* in sermons. Current article aims at tracing his arguments for the use of "pagan" *exempla*. As a result of analysis of John's "-loquia" sequence, following pros were brought to light: first of all, he makes references to the authority

of Church fathers and other theologians who also mentioned Seneca and other philosophers. Secondly, he stated (cunningly, of course) that whereas biblical *exempla* were already well-known for the preachers, he felt the need to introduce some new stories. John believed that the preacher had to have a convenient sermon for every moment, not only while preaching but for didactic talks *in mensa* as well. Finally, his third argument was inspired by St. Augustin who affirmed that human deeds have to be classified according to their goal or motivation (*finis*). So, John proved the virtuosity of pagan's deeds by showing that this act aimed at utility (*utilitas*) or honour (*honestas*).

Mikhail Dmitriev

From Anti-Judaism to “Judaizing”
in the Orthodox Culture of the Eastern Europe,
Late 15th — 16th Centuries

This article calls in question some stereotypes concerning alleged Muscovite “notorious” judeophobia. It deals with evidence on Muscovite “Judaizers” of the last quarter of the 15th century, and “Judaizers” traces in Muscovy under Ivan the Terrible (Feodosiy Kosoy and his followers), and in Ruthenia (Podole) in the same epoch (recently found “Beseda na gusov”). Russian “Judaizers” were, in fact, interested in Judaism, and most of them were members of clergy. So called “literature of Judaizers” contains borrowings from Judaic tradition. The *Laodicean Epistle*, compiled by d'iak Fiodor Kuritsyn in the end of the 15th century, is one of rather unquestionable manifestation of Jewish influences among Muscovite élites. The explanation of this phenomenon lies, most probably, in the confessionally peculiar features of the traditional Byzantine-Orthodox attitudes to Jews and Judaism.

Mikhail Boytsov

How Alexander the Great, Moving from Bohemia,
Offered His Support for the Muscovites

The study is centered on one curious text that spread in manuscripts and prints in the Slavic countries of Eastern Europe from the 16th through

the 17th century. The document seems to have been composed in Bohemia in the 15th, maybe even in the mid-14th century. This was a charter, ascribed to Alexander the Great, endowing the Slavs with his privilege to possess all lands “reaching from the utmost North down to the Italy’s southern boundaries.” The “Alexander’s Slavic charter” is transmitted in several deviating versions, whereas the most peculiar of them was written in one of the (western?) Russian regions, probably as early as in 1556–1576. According to this specific Russian interpretation of the Alexander’s generosity, the pagan Slavs — the direct ancestors of the Muscovites — received from the King not the “usual” lands but other vast territories — from the Baltic to the Caspian Sea. The article argues that the intention of the original “Russian version” had differed seriously from the political tendency of the official *Chronograph*, where this text was finally inserted (presumably between 1646 и 1661) and where it later became visible for scholars.

Contents

<i>Mikhail Boytsov</i> . Introductory note.....	5
---	---

I. PRINCES, NAMES, AND CODICES

Andrei Vinogradov

The Kingdom of Abkhazia as a Case of Politogenesis between Christianity and Islam (the Late 8 th — Early 10 th Century).....	11
---	----

Anna Litvina, Fjodor Uspenskij

The Ruler and His Namesakes in the North and in the East of Europe.....	60
--	----

Alexandr Nazarenko

The Codex Gertrudianus after Gertrud. The Fate of a Book on Dynastic Crossroads of the 12 th Century	85
---	----

II. PHILOSOPHERS AND SAINTS IN THE WEST

Oleg Voskoboynikov

Right to Myth. An Introduction to the Poetics of the School of Chartres.....	139
---	-----

Svetlana Yatsyk

Wise Saints and Virtuous Pagans: John of Wales on the “Problem of Paganism”	183
--	-----

III. ALIEN AND HABITUÉ IN THE EAST

Mikhail Dmitriev

From Anti-Judaism to “Judaizing” in the Orthodox Culture of the Eastern Europe, Late 15 th — 16 th Centuries.....	207
---	-----

<i>Mikhail Boytsov</i> How Alexander the Great, Moving from Bohemia, Offered His Support for the Muscovites.....	265
Abbreviations	301
Authors	303
Abstracts	304

Научное издание

**Polystoria:
Цари, святые, мифотворцы
в средневековой Европе**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *О.А. Шестопалова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *Л.В. Маликина*
Корректор *О.А. Шестопалова*

*На обложке — фотографии О.С. Воскобойникова:
на передней стороне — История Карла Великого. Витраж скорняков
в хоре собора Нотр-Дам, Шартр. Ок. 1225 г. Фрагмент;
на задней стороне — Мельхиседек и Давид. Королевский витраж,
северный трансепт собора Нотр-Дам, Шартр. 1230 г. Фрагмент*

Подписано в печать 12.07.2016. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 15,6
Тираж 500 экз. Изд. № 1889

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10